

A woman with long dark hair is wearing a black top hat and a red dress. Her face is painted with colorful sugar skull makeup, featuring blue around the eyes, yellow and orange patterns, and red lips. She is holding the brim of the hat with her right hand, which is wearing a red glove. The background is a soft, out-of-focus grey.

Яна Гецеу

Я, Дикая Дика

Первый женский панк-роман

Яна Гецеу

**Я, Дикая Дика. Первый
женский панк-роман**

«Издательские решения»

Гецеу Я.

Я, Дикая Дика. Первый женский панк-роман / Я. Гецеу —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931185-6

Каково это — любить психопата? 19-летняя девочка-панк Дикая Дика расскажет вам об этом в чарующих и жутких подробностях. Красивый сумасшедший абьюзер Ветер играет с ней в кошки-мышки, подманивает поближе и швыряет на самое дно. В поисках ответа на отчаянный вопрос «Почему Он не любит меня?» девушка пускается во все тяжкие. Дружки и подружки на одну ночь, города и вписки, чердаки и подвалы. В нее влюбляются, ей очаровываются, ее хотят. Но никто и ничто не может заполнить эту ледяную пустоту. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-931185-6

© Гецеу Я.
© Издательские решения

Содержание

Наверное, я плохой человек. Меня легко обидеть	6
Врать – противно	12
Первый раз – он важный самый	29
Не умею ругаться, увы	32
Ах, если б я знала...	39
В Москву-матушку	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Я, Дикая Дика

Первый женский панк-роман

Яна Гецеу

© Яна Гецеу, 2019

ISBN 978-5-4493-1185-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Содержит ненормативную лексику и сцены насилия.

Примечание от автора: все персонажи и события вымышлены, совпадения с реальными людьми случайны.

«Там, где больно – там уже занято!»

Бродяга

Начинающим врунам, писателям, неформалам, панкам

Честным человеческим детям, желающим ступить на скользкий и увлекательный мир искривления сознания, для поиска в нём нор, дыр, ловушек, извилин, тоннелей, колодцев, ходов и выходов ведущих в 2000 год...

Наверное, я плохой человек. Меня легко обидеть

Вчера мне исполнилось девятнадцать лет. Да, девятнадцать – это не восемнадцать. Это... другое? Не знаю пока. Родаки (или лучше сказать – предки?) подарили мне всякой шняги. Думают, я счастливей буду, и посчастливей, забуду всю эту пижню, называемую панк-рок.

Радуют тока подаренные полунищами друзьями Зелый Баяц и Мрасный Кедведь. Я и не хотела идти пить с ними... но вроде положено, встала и пошла. А накануне в одиночестве так надралась на своей личной хате... Но ничего, отоспалась, кое-как поднялась от звонка Русого – помнит, оказывается, что я Деньрожденец. Но больше не пила, сидела тихо. Друзья нажирались активно, а я пива чуть-чуть, и крохотный кусочек торта... торт раскрошили, насвинячились, измазались по уши в зелёном творожном креме. Ржали и валялись по земле. А когда надумала позвать кого-нибудь на ночевку, никто уже не согласился – кто слишком пьян, кто поднадзорный у предков. Ну и пес с ними. Села в такси, улыбаясь в растаманской шапке, свежеподаренной, черных джинсовых шортах поверх фантазийных колготок с малиновыми цветочками и в косухе. Из нагрудных карманов смотрели Мрасный Кедведь (красный медведь) и Зелый Баяц (белый заяц, соответственно). Вот и всех радостей...

Дома записала в дневник ощущения от прожитого:

«День рождения – и все уроды»

*Ладно ещё хоть так. А раньше ведь? до того тошно бывало! Сейчас помогает, что закалённая – точно знаю, что рассчитывать на чудеса и радости не надо, а расслабиться, и будь что будет. Иначе заплюют тебя же за то, что ты деньрожденец. Напьются, нажрут, на тебя начхают всем в принципе. Обидно!!! Хоть вой. Я и выла. Все уроды такие, как будто меня нет просто. Начинаются все эти разборки между собой, ржачки всякие, подарки норовят такие подарить, что сразу насквозь видно – «на, отвали, наливай скорее!» Не так это, конечно, для них – они же мне дарят чё-то! Внимание, и прочее, но... пустота за этим. Боже, боже – и никто никогда не пожалел мою чувствительность! Я ведь всегда ждала от этого дня чего-то такого... **Такого!** А они... И реветь. И это не капризы, нет, это боль моя – нужна ли я кому на свете на самом деле? Не потому что вот раз познакомились и маломальски сошлись в каких-то точках – значит, будем дружить. Не потому, что я трахаюсь классно. Не потому, что я наливаю щедро – а ведь и того не понимают, что я от доброты, а не потому, что бабло позволяет – так и чё же ей, богатой ещё делать? То есть, наливать им и делать хорошие подарки – это не само собой, а от души, понимаете?*

*Не потому, что они меня родили и растили, и не потому что я **человек хороший (или не хороший – кому как!)** – а потому, что это **Я**, именно я... и пофигу, хорошая или плохая, а за сам факт, настоящей любовью... не за то, что... Дочь, подруга, любовница – а лишенная какой бы то ни было роли – **Я, сама я**, кому нужна? Без мифов и легенд обо мне, без лица... **Я** – нужна кому? Ну, хоть в день рождения, ведь я без кожи в этот день – любите **меня**, кто-нибудь! **Меня**, ну, пожалуйста... и почему надо выпрашивать. Так мало того, ещё и просишь – а они не понимают. Нет. Не нужна **Я** никому.»*

Ночь, со вторника на среду. Ткнула кнопку подсветки на мобилке – 3.35. Открыла балкон, села на брошенную подушку, вытянула из-под батареи заныканные «Мор», закурила. Почему такая гадость, ведь раньше это были мои любимые сигареты, тогда, еще в *другой жизни*. Перейду на «Сен Джордж». Дёшево, приятнее... А впрочем, я опять играю в не себя, **Я** же не курю...

Мне больно. А курить по ночам так приятно, что аж слезы по лицу. Холодный циник, Дика Жестокая плачет. И никто не видит. Вот и хорошо, не надо.

Сказать бы, чего мне надо? У меня есть всё. Но как это и бывает – увы, банально! – у богатеньких девочек – хандра. Да, пусть будет просто хандра, сплин. Доход моих родаков – тысяч по восьмьсот-лимон в месяц у отца, и шестьсот-семьсот у мамы. И я – единственная. Сводная сестра по отцу в Дании, бутик содержит. Её просто нет.

А мне больно. И я пытаюсь навредить им изо всех сил.

Я с ума схожу. И сигареты гадко-горькие! Вдыхать дым так больно и приятно.

Завтра мне в универ. Вот опять же – могла бы поступить и на бюджет, но как-то не хотелось во-первых, воровать место у того, кто не найдет средств на коммерческое обучение, а во-вторых... чё во вторых-то?? А, да! Просто я – раздергайка. А какой смысл стараться учиться в школе, которой папа подарил ремонт, и шубу завучу, еще чего-то там, я не знаю. Я предпочла «морально разлагаться». Деньги ведь портят. Хорошо, просто отлично, что они есть. Что их так много. Они дают мне возможность выпендриваться безбожно, хамить, курить сигареты по триста рублей и даже сигары – у папы тыря – и тут же снимать последствия от них у опытного гомеопата. Лёгкие слабые от рождения, может, потому, что Александровна, у нас по науке об именах слабая дыхательная система.

А заодно и кормить оборванцев-друзей сыром, и поить отличным портвейном, который им без меня и не приснился бы. Равно как и дарить всем всё, включая себя. Я не рекламирую свои непустые карманы, но и сорю бумажками феерично. У меня ведь их до финты, а хорошие ребята голодные шлятся, и мечтают годами о чем-то, что для меня повседневно. Они не хотят работать и зарабатывать, я тоже не хочу – но мне и не надо. Так, например, мобилы я теряла раз пять. Ну ещё бы – «их ведь так нещадно воруют в универе»!

Конечно, узнав с кем я вожусь, мама пыталась истериковать, а папа «лишил» карманной мелочи. Оставил только на обеды и дорогу. Ну, и типа там на колготки с помадой. А равно как «непредвиденные расходы» – мало ли, вдруг презерватив срочно!

Тут я усмехаюсь собственным воспоминаниям – он думал, мой бедный папа, что я застрадаю. Однако, отлично зная, почем фунт лиха, и что такое голод и холод, я продолжала жить припеваючи. Ведь в сумме всех «строго подрасчётных» бумажек выходило что-то в среднем рубликов пятьсот в день. Чего же тут не жить?! Эх, а хотели ведь дома закрыть! Да лучше бы... своей воли нет, отказаться, не бегать за *Ним*...

Я едва успела докурить и страшно озябнуть, когда мобильник выдал изощренную какофонию:

– Да, Ветер!

– Янк, привет! Не спишь! – и так утвердительно, точно знает!

– Не сплю.

– Выходи?

– Выхожу.

Встала и начала одеваться безо всяких мыслей. К чему они, меня же Ветер зовёт! Только он меня Янкой и называет. Как жена Тургенева. Я хотела бы слышать это имя почаще, но не решаюсь попросить... Натянула неглядя майку, джинсы, балахон, косуху. Подумала, и ещё подкрасила глаза – вдруг внимание обратит, а в ночном освещении небрежно растущеванная черная подводка очень эффектно оттеняет мои тёмные глаза. Подошла к двери, но вспомнила про незакрытый балкон. Как там на улице с погодой? Октябрь... Хотя и неприлично тёплый – бабье лето никак не хочет покидать землю! Выглянула – вот он, Ветер, сидит на лавочке, не курит и смотрит под ноги, сгорбившись, как больной. А погода – дрянь. Мелкий какой-то сквозняк, и сыровато. Чтож, вернулась, под балахон натянула водолазку, подумав у шкафа влезла в колготки, запихнула в торбу носки для себя и заныканные папины – для Ветра. Туда же сигареты и коньяк во фляжке. Косуху бросила на кресло. Одеда старое длинное пальто.

Я уже держала на весу ботинок-«гад», когда мамин голос из-за приоткрытой двери заставил вздрогнуть:

- Ивана, ты спишь? Завтра в универ, не забывай!
- Да-да, мам, сплю конечно! – сказала я сонным голосом.
- Дверь прикрой нашу, чтоб кошка не лазила! – ответила она, успокаиваясь.

Я прикрыла. Замерла, постояла. Перевела дух. Всё. Ухожу. Утром она всё поймет, как всегда. Потом накажет. *Потом.*

– Привет, любовник! – хотела его обнять, но он отвернулся недовольно. Ага, знаю, перед Гдетыгдеты стыдно! А нахрена тогда со мной трахаться!! Это совесть позволяет? Да я не в обиде. Села рядом.

- Ну, что скажешь? – надоело молчать.
- Что? – таким тоном, будто всё само собой, так и надо, а я спрашиваю не в тему.
- А, ну да! – киваю, делов-то!
- Может, потрахаемся?
- Он качает головой не глядя на меня. Хе, да я и не хотела!
- Чё подарили?
- Когда? – черед издеваться мне.
- Никогда. На днюху, конечно!
- О-о, не описать!

Блин-н-н, мне зудит его поцеловать, я ведь постоянно хочу его! Его запах, звук его голоса, тихие жесты, тонкие пальцы... А он... Эх! Убить чтоль, Гдеты? Да что ж тогда делать? Не смогу я с ним быть, владеть полноправно – тяжело!

Опять все эти его штучки – встал и пошёл молча.

– Куда? – выравнивая шаг под него, беру за руку. Несносный человек, если не знать, можно очень сильно обидеться, подумав, что он так отшивает. Но я знаю уже *слишком* хорошо, что он псих, и не принимаю на свой счет. Понять его нельзя, можно лишь принимать либо нет.

– Ко мне.

Пожимаю плечами. А говорил – не хочет. Ну и в пень.

- Да! – хватаю визжащую мобилу – папа.
- Иванка, ты где?!!
- Я? ... Э-э... на улице! С Ветром.
- Чего? А почему не дома? Где? Далеко ушла, нет? Я сейчас приду – убью!
- Ага, пап, спасибо! Я утром в универ, не волнуйтесь, чё как в первый раз!
- Иванка!! Ива! – чё-то ещё, я не слушаю. Да всё то же самое.
- Хе-хе, уже потеряли! Пошли отсюда скорей. Сейчас папа выйдет!

Оглянулась – окошко светится. Помахала на прощание – ведь по-честному, не знаю, когда вернусь! Сволочь я, измываюсь над родными. Эхе-хе...

Скоро я заметила, что Ветер ведёт меня куда-то совсем в другую сторону от своего дома, тёмными пустыми переулками. В одной только подворотне два бомжа замолчали, набыченно уставились. Но Ветер их будто даже и не видел, волоча меня за собой. Я даже немного испугалась – вот кто скажет, что ему в голову придёт в следующий момент? Хотела было в лицо ему заглянуть, но он шёл так быстро, что я неслась за ним вприпрыжку, как Пятачок за Винни-Пухом. Он ведь выше меня на полторы головы, даже ссутулившись, сволочь этакая. Подумала – и спрашивать не стала – пусть будет сюрприз для меня! Вчера ведь с Днем рождения он меня не поздравил! Я очень обижалась, ну никак не могу привыкнуть к этим мерзким манерам – при том, у него всё так естественно, так само собой – не поздравить, не сказать. Обижаться нельзя – бесполезно, хочешь общаться с Ветром – привыкай. Он *так живёт*, и точка. В *своём* мирке, не всегда соприкасающемся с *нашим*. Меня этот мирок завораживает, и я всё пытаюсь проникнуть в него, постигнуть его главный закон, как у Ветра внутри всё это происходит. Я исследую его, но чаще всего остаюсь в дурах, ведь моё мышление нормально, не исковеркано

шизофренией. И даже если я тоже свихнусь, я не постигну Ветра. Потому что тогда внутри меня возникнет *мой* мирок, непостижимый ни для кого.

Размышляя, я не заметила, как он остановился, и врезалась в него с наскока:

– Блин!! Чё, всё, пришли?

– Пришли. Смотри!

Я остановилась, замерев на краю смотровой площадки: прямо предо мной возник из ниоткуда Мёртвый город, по-другому не скажешь. Чёрные бетонные стены, среди которых ветер прячась, короткими перебежками подбирается к нам. Шпионят тени, перешёптываясь, следят – «кто такие, откуда?» Что надо в *их* городке?

– Ветер... – тихо прошептала я.

– Что? – шёпотом ответил он.

– Ветерок, а он настоящий?

– Город? Да. Только мёртвый. Пойдём, посмотришь! Он такой, как если бы я его придумал!

– А может, так и есть?

– Нет, он чужой! Но пустит нас погулять, потому что знает – я здесь не зря! Да и ты, понимаешь ведь его?

– Да, – прошептала я, заморожено и страшно прижимаясь к Ветру.

Спустились по ржавой лесенке вниз, на потресканный разбитый асфальт. Тихо крались между домами спящими в коме, по бурьяну, стараясь не шуметь, аккуратно раздвигая буздыли сухостоя. Я во все глаза смотрела на эти чудеса... боже, да откуда в Уфе такое?

– Гань, это какой вообще район?

– Район? – молчит, идет вперед, не выпуская моей руки.

– Ну, и? – напоминаю о себе, когда надоедает ждать.

– Это не район... это ваще просто глюк! – повернулся, блеснул глазами. Страшный, как вампир. Я обалдела на секунду от такой невиданной красоты – какой он всё-таки! Совершенство!

– Расслабься, нет здесь ничего! Хозяин не спит, бредить не станет.

– А... ну, ладно, договорились!

Пусть будет так. Мне неожиданно уютно с ним здесь. А ведь дома, в спокойной и привычной обстановке бываем такими чужими, такими ненужным, тягостными... А ветер подобрался и набросился, шутя, резко на спину, осыпал сворой листвы, взметнул волосы во все стороны, поцеловал взасос в шею, и улетел прочь, хихикая. Я засмеялась, приглаживая волосы. Ветер и Ветер... в этот момент я любила его больше, чем когда-либо!

– Ну, ладно, давай здесь посидим, надоело ходить! – остановился мой милый.

– Можно, нет? – крикнул, подняв голову к чёрному небу. В ответ оно уронило на нас несколько слёз дождя – с совершенно чистого свода! Ветер довольно кивнул, сделал два шага в сторону от асфальта, и сел на голую площадку под бетонную стену. Я опустилась рядом, по его пригласительному жесту. Осмотрелась – справа невероятно раздолбанный дом, будто после бомбёжки, за ним возвышается дворец заброшенного завода. Слева бурьян, непролазная чёрная стена. Где я... ма-ма...

– Не мерзнешь? – спросил, поёживаясь любимым.

– Да так...

– А я ваще, блин, надо было одеться получше!

А он всегда так. У него кровообращение нарушено от препаратов дурдомовских.

– Давай, палок наломаем, костёр запалим.

Я неопределённо пожала плечами – неохота, нафиг. А «палок» – давай, наломаем!!

– Прикинь, надо! – усмехнулся он. – Не в жилу как-то по такому холоду трахаться, а если погреться...

Вот гад, знает, чем зацепить! Да, я хочу его больше, чем он меня. Я и люблю его больше. И я поднялась, и пошла ломать бурьян. Битое стекло и железки хрустят под ногами, жутковато заходить в эти трещины. Только шум ломаемых Ветром хворостин успокаивает. Притащили по первой партии, я повернулась было идти за второй, но любовник тронул за плечо. Повернулась – он протягивал мне коньяк. Я не очень обрадовалась – лучше бы полазить посмотреть что здесь да как! Отхлебнула, конечно. «Опять тупо пить... нахрена же тогда притащились, могли бы и во дворе насвинячиться...» – ныла я про себя, таща второй «хвороста воз». Свалила его в кучу, мрачно посмотрела на Ветра, отхлебывающего добрый глоток. Протянул мне, глаза горят, как у кота. Я хлебнула, а он вдруг отобрал у меня бутылку. Допил остатки, зашвырнул подальше в бурьян.

– Упс... извините! – крикнул в темноту вслед стекляшке.

– Иди-ка сюда! – и притянул меня к себе грубым движением. Что, уже? Я удивленно подалась навстречу – хочу до безумия, вся кровь взбесилась от его запаха!

– Нахрен этот костёр, потом... – поспешно стягивая с меня джинсы, бормочет он. – Мадам, давайте лучше трахаться!

– Мадемуазель... – поправляю я автоматически. – Давай...

– Нет уж, мадам, ты же жена моя... сучка! – шепчет он, целуя везде, где достает. Пальцы жадно проникают в трусики мне.

– Да ты уже вся мокрая, ага!

– А сам-то! – делаю ответный жест.

Он валит меня на косуху.

Потом... фрагментами: вот я кричу задыхаясь от дикой смеси счастья и протеста. Вот мы пьем, еще не одевшись – и нам не холодно, нам жарко! Вот снова трахаемся. И краем глаза вдруг улавливаю, что мы здесь не одни... мне совершенно параллельно это, я вот-вот поймаю оргазм...

В волосах путается мусор, по щеке течет кровь неожиданно... он жадно слизывает. Я слизываю остатки с его губ. Отдышались, запалили-таки костёр.

И уже мы не одни...

– Дика, у нас гости...

Да я уже заметила. Их было... трое? Или пятеро? Или их вообще не было!

Присмотрелась – это же те, которые подглядывали! Нерешительно жмутся, хотят к костру – и боятся. Они же свет, кажется, плохо переносят.

– Эй, идите сюда! – машу им рукой. Наклоняюсь и целую Ветра.

– Ага, это же мы у вас в гостях! – напоминает им Ветер. Притягивает и целует меня. Приходит мысль, которую я почему-то хорошо зафиксировала – *«А с Ленкой бы ты так не смог! Чего ваще эта твоя облезлая шкура понимает в любви к Тебе!!»*

Они обрадовались – типа, да, точно! Вышли к огоньку – ма-ма, ну и уроды! Один ваще с рогами...

– Чуваки... это! – изрекаю я. Прикол.

– Выпить есть у вас?

Они тихо качают головами.

– Чуваки, а вы чё, немые?

– Дика, они не немые, они говорят, но слышат не все!

– Ну и хрен с вами... – проворчала я, садясь на землю. Пусть себе!

Следующий момент – мы все вместе – я, Ветер и рогатые чуваки отплясываем вокруг костра. Прыгаем через огонь, *эти* ржут, гогочут как-то не по-нашему. Я ухохатываюсь просто – ну до чего же весело!! У них оказывается ещё и хвосты!

Потом они-таки раздобыли выпить.

Наверное...

Лежу на земле, прикрытая чем-то тяжёлым и тёплым... рядом кто-то дышит надрывно, как астматик или старая собака... почти не холодно... Приоткрыла один глаз – Ветер у костра беседует негромко с этими... смеются... а говорили – не умеют... ага...

...а утром я очнулась в своей постели! Сон... ну вот! Жаль.

Но ноги почему-то грязные! И трусики в зеленых полосах от травы... Wow...

Врать – противно

«Вы уж поверьте моему немалому опыту. Когда врешь, главное всё учесть до мелочей. Лучшие заручиться поддержкой друзей или ещё кого-нибудь близкого, состроив невинную рожу и прикрываясь благородным делом – любовь-морковь, учебник для экзаменов, собеседование – и только сегодня! – в супер-фирме. А я ведь из принципа на работу типа стремлюсь сама устроиться, без протекции предков. Да мало ли чего, безотказного. Потом будут, конечно, вопли – „а чего это у тебя всегда всё срочно?! И супер важное, а у нас не так?“ Да откуда же мне это знать?! И ресницы – хлоп-хлоп. А сама бежать со всех ног в переход, а там музло, и друзья, и по-детски восторженный секс, и... пусть дома не знают! Да, я наглая, беспринципная, моральная уродина. И всё же врать так противно...»

Но бывают дни, когда чуешь попой – надо быть хорошей. Просто сидеть тихо и не мелькать. Ничего не происходит, и ничем ничто не грозит – но для пользы будущего вранья лучше пока помолчать. И вот слоняюсь я по квартире, как слоник розовый. Благо апартаменты не мелкие и можно шарахаться не натываясь на маму. Ску-учно! Покурила втихую, попробовала почитать – не лезет больше. Помыться что ли? Одно из моих любимых развлечений – хороший душ и мастурбация. Не, на вечер оставлю, а то тогда что делать?

Полезла в инет. Почитала спам – брехня. Наследила на форуме «Ультрафиолетовых богинь», обозвала их попсой, но в любви признаться не забыла – Арто, по-любому клёвый мужичок, я б его трахнула. Или он меня. Хотя он и старый пидорас. По ходу дела подумала – ах, какая я пошлая стала и бесстыжая, ведь пару лет назад, да что там – в прошлом году какое вам трахаться – только «любовью заниматься». А теперь... м-да, теперь-то я различаю «трахаться», «палки кидать», и т. д.

Эх, может виртуальный секс? Не-е, не катит. Я такой, блин растакой, и член у меня в рот вам не поместится...

А я хочу-у-у ВЕТРА!!! Заело меня, чтоль, на нём? Он ведь Гдетыгдетын, Гдетын, Гдетын... Не верю... не хочу верить!

«Тук-тук!» – кто-то в аську ломится. Ща-ас, «помотрим».

– Ты кто?

– Узница свободы! А ты мой сладкий?;))

Оп-па, как интересно!

– Я кислый. И горький. И еще, м-м-м, как описать?

– Не хочешь дать попробовать?

– Вирт. секс? Мило, но мы это уже проходили.

– Фи, котик, грубо! Аккуратнее, мягче! Комповая ебля, например!

– Ххе-хе, мягко, нечего сказать! Возбуждает! Ты – лесба?

– А ты?

– Я первый спросил!

– Вот не обманывай, сладкий, ты – девушка! А пишишь от м. лица.

– Откуда знаешь? У меня же ник нейтральный

– Чувствую твой терпкий запах, киска!

– М-м... теряюсь! Ты все же ласкаешь меня, тянешь длинные лапки с монитора... пришли хоть фотку чтоль?

– Перепихнемся? Фото уже идет!

Та-ак, рыжая, похотливая, несколько чересчур накрашена, лет пятнадцать... нет, семнадцать?...

– Милая, а годиков тебе сколь?

– Тебе – в самый раз, под размер пальчиков!
– Оо-о, даже так? Ну, выходи, попробуем!
– Эй, сладкий, а ты точно обещаешь меня отделать как следует? Боюсь разочароваться, прости. А то ведь наобещают. А потом... эх, да что там, сам, наверное, знаешь, кисло-сладкий!

– Детка, да у тебя недоеб!!

– Ага... грустно так...

– Ну-ну, не горюй. У меня, собственно, не легче! Любовник бежит ко мне от своей давней девушки. И нормальная ебля удаётся не так-то часто!

– Ива, есть хочешь? – блин, меня будто огрело!

– Нет, мам! – вся похолодела, дура! Чё будет-то, и вообще, пора давно привыкать не дёргаться, когда «почти застучали» за чем-то *таким...* Но я всё никак не могу, как бы ни храбрилась, начать относиться спокойно к «грязным забавам», подспудно чувствуя, что это *неправильно*.

– Эй, где ты? Сладкий, не уходи!!

– Я здесь, малышка, продолжай!

Фу, блин, а настроение сдохло.

– Знаешь, я пойду... ты извини, дела! – всё, вырубаю железяку нафиг, пока эта лесбиянка недоделанная не заныла! Отодвинулась, помотала головой, закрыла глаза руками, глубоко вздохнула, как будто вынырнула из мутной глубины на солнце. Вот он, реальный мир – стол, постеры, кровать, покрывало смятое, цветы... а я-то загналась. Трах, виртуальный секс, лесбиянки... фу, какая мерзость!!! Ну, почему так – вот ты, такая вся развращенная, свободная, первой поперечной в аське, даже не видя лица вываливаешь запросто главное, что мучает, как будто это всё так просто, как пописать сходить. А потом так гадливо и мокро! Будто пописала – и мимо... Ну зачем, зачем? Такие душевные, дряни! Бросят «мой сладкий», и я им – «а меня любовник не дотрахал! У него девушка – моя лучшая подруга!» Да им-то, они развлекаются по ту сторону компа, ищут, на кого бы похотливым глазиком зыркнуть. Как противны все эти мысли!! Пожалуй, и в самом деле пойду пожру, в обществе мамы отойду. Потом Лавкрафта почитаю, не зря же наконец купила. И забуду гадливое приключение до следующего раза.

Вот, блин, опять облопалась, как собака! А ведь собралась худеть. Мама уверяет, что я не жирная! А то я не вижу. Но можно ли было не напороться, когда мама на кухне редко бывает, а сегодня угощает – у нее вечер свободный. Всяко-там разное, жарено... да ещё и с мёдом... Понимаете? То-то и оно.

Только я села читать – припёрся кто-то. Мама орёт:

– Иванка, выйди-ка!

Нацепила злую рожу, выползла.

– Ой, Гдетыгдеты, приветикус! Заходи!

Со вздохом пропускаю псевдо-подругу. Сил нет на неё смотреть – ну она ж некрасивая!! Зачем такая Ветру?!

– Вань, прикинь, кого видала?

Смотрит так радостно! И опять Ваней назвала! Приучила-таки, уже и не бесит.

– Кого?

– Ведьму с Русым!

– Чё, серьёзно?! – вот уж про кого давно ничего не слышно!

– Да, в переходе, – развалилась, дура в кресле: – Мы сёдня лабали – а ты чё не пришла? – они к нам и подошли.

– Чё говорят? Поженились, нет?

– Вроде как, весной. Ну, Ведьма с ним щас живет, в Москве!

– Да, мне чё-то говорили Бормотун со Смехом, летом ещё.

Бляха-муха!! А чё же тогда Русый мне нифига не сказал?!

– Ведьма клё-о-овая такая, в чёрной шняге до полу, с капюшоном, я тож такое хочу! Похуде-ела! Как палка! Я говорю – чё это ты? А она – секс и кекс, сладкое и мучное исключить! Ха-ха!!

Я киваю, включаю «Шмелей» – Ведьма и подарила, спасибо ей. С тех пор моя любимая группа, наравне с «Ultra Violet Goddess» и «Стёклами».

«Останься со мною,

И белая луна,

А в ответ – вода...»¹

«Останься со мною...» М-да, если бы! Гдеты балдеет, головой качает в такт, а я смотрю с тоской на неё. Ведьма с Русым – идеальная пара, друг друга обожают. Но Русого я убью, какой скрытный нашелся, друг называется!

Ну а эта вот – бляха, лучшая подруга, довольна, в упор видеть не хочет, что я с её парнем сплю, и счастлива!

– А Ветер чё? – сорвалось с языка, нечаянно.

– А чё Ветер? Нормально всё! – и плечами прохладно пожала. Не пойму никак – знает, или не знает?

– Давай лучше башку твою красить! А то мож, передумала?

– Ни хрена! Я сказала – я сделаю!

Через пару часов я вышла на улицу ослепительной блондинкой самого проститутского вида. Позади был зверский скандал с мамой, и можно не возвращаться.

– Де-евушка, а может, вас подвезти? – слащавенькие, озабоченные уродцы. Облезете!!

– Я, знаешь ли, голубчик, не одна! – и Гдеты под руку – хватать! А она, не дура, меня в засос чмокнула, эти с визгами и отсохли. Потом Гдеты достала мобилу (недавно подаренную Ветром, кстати!):

– Але, Ганчик, ты где? А-а, ну здорово, сиди там. Мы счас подойдем с Ванькой! – и мне подмигивает. Типа, сразить чтоль, его моим шлюшным видочком? Блин, дура, не знает, что я и не такой для него была! Тошнит иной раз от святой наивности.

Прискакали в полузаброшенный парк – наш общий парень сидел там, сгорбившись, с незажженной сигаретой в руках. Радость наша на двоих – для Ленки невинная и безоблачная, для меня мучительная, и испачканная ревностью. «*Я её покрашу в любимый чёрный, сама разрежу напополам...*»²

Гдеты вцепилась в него, поцеловала как собственница. Я только сдержанно кивнула, и встала в красивую позу, развлекая их. Он пристально ощупал тело взглядом – короткая юбка будто стала ещё короче, курточка совсем не нужна – я её расстегнула, под ней дорогой лифчик с вышитыми красными орхидеями, супер-вещица. Титьки у меня ещё те, не то что у Ленки. Она бросила на мои достоинства короткий взгляд, тщательно маскируя зависть.

– Не, ты смотри, чё делает! – и смеётся, дура. – Не соблазняй моего парня!

– Держи крепче! Да его разве соблазнишь – весь твой! Я для тебя стараюсь.

Ветра это прямо покорило. Слюни пускает – ну-ну! Ничего, милый, успеешь, сама вся нетерпение. Для чего рядилась?

– А я милого не любила,

Просто с пьяну закадрила!

– завопила я жутким голосом, запрыгивая на скамейку, для чего пришлось задрать юбку до ушей. Начала развратно отплясывать на некрашеной доске, Ленка подхватила простой и милый мотивчик:

¹ Текст группы «Шмели»

² Текст группы «Шмели»

– А потом его убила, угу!
С кожи его юбочку пошила!

Заржали, как лошади, и продолжили:
– Так гори костёр, гори
Так гори костёр, гори, УО-О!
Так гори, костёр, гори-
До зари, до зари!!

А Гавриил Ветер смотрел молча и бесцветно, обещая садомазохизм сегодня после полуночи...

*Я обручена с мёртвыми богами,
Я невеста принца огня!
Обманула, так обманула всех – угу!
Буду править всем сама!
Так гори костёр, гори,
Так гори костёр, гори, УО-О!
Так гори, костёр, гори-
До зари, до зари!!³*

Дома я была только следующим вечером. Открыла своим ключом. Странно, но никого не было. Петровна уже ушла, это ясно. А мама где? Нашарила на кухне бутерброды какие-то и записку: «Мы с папой у тети Наташи, ночевать не придем. Включи телефон, тебя не поймать! Сильно не бунтуй, не тревожь соседей».

Вот и отлично. Кинула записку в мусор. Утянула из холодильника минералку, из бара – стакан для коктейлей и папин недопитый ром. Подумав, прихватила мамину пепельницу. Сама курит по всему дому – чего ж от меня хочет? Чего вообще от меня можно хотеть?! Я некрасива, глупа и жестока. Учиться не хочу, вливаться в бизнес – тем более.

Мне больно. Я тупая тварь. Только и делаю, что наживаю проблем на задницу, которая сама по себе уже проблема... Все мои действия необоснованны. Бросила под ноги свитер, поверх лифчика напялила джинсу, шею перетянула ошейником с острыми шипами, символ садомазохизма. Со всего маху шлепнулась навзничь на постель. Мне больно, больно!! Зачем я так... Сутки прочь, а всё что я сделала – это снова извалялась в дерьме! Надо напиться и подумать – я сама такая, или психика слабая, наглоталась грязи, и подумала, что она во мне всегда была.

Попробовала жевать бутерброд с рыбой – гадость. Есть очень хочется, но блин, тошнит. Откупорила бутылку зубами, отчего их больно свело. Отхлебнула. Сразу дало по сосудам. Тени сложились в таинственный узор на потолке. Только бы не стошнило и я разгадаю их тайну!

Я, наверное, всё же шлюха. Неважно, по внушению, или «так и было». «Групповой секс не приносит истинной радости никому из участников». Но так приятно было разложить Гдетыгдеты на глазах у Ветра! Пусть и ему будет мерзко знать, как оно, когда он сам с ней трахался, а я – типа меня и нет!! Что бы она не сделала – она невинный ангел. Даже переспав со мной в глазах этого изверга Ленка остается чудом, а я – шлюхой. Ведь это всё я затеяла. Купила вчера спиртного, потащила с ними к Ветру, затащила безвольную Гдеты в постель. Ветер долго не смотрел со стороны, дал подруге разок кончить от моего языка, и примкнул к чудной компании. Отымел обеих, потом Ленка заснула, а мы ещё раз.

³ Текст группы «Шмели»

Меня корчит это воспоминание.

– *Боже мой, паутины липкой наглоталась будто!! Она спала, а мы трахались! И кайф от её присутствия какой-то изощренный, особенный. Он меня трахает, стоя на коленях, приподняв мои бедра, а я её ласкаю, спящую. Она как котенок подставляется, шепчет что-то. А мне хочется её в клочки изорвать, суку!!*

Но не позволяю себе этого. И я кричу диким зверем. Из самых глубин измочаленной сути своей:

– *Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ!!!*

Меня растаскивает по косточке, колотит изнутри и заставляет вырываться сволочная боль несоответствия. А Ветру это очень даже нравится, он бьёт меня по лицу и злые глаза не смаргивают ни разу. Пока он кончает, передо мной проносятся соблазнительнейшие картинки – вот я вырываюсь и бегу на балкон, где стоит стол, на котором мы злобно трахались не раз. А он не успевает меня догнать. И я вспрыгиваю на этот стол, быстрее кошки не раздумывая кидаюсь головой вниз, и бесконечно-бесконечно долго лечу – восьмой... седьмой... шестой... третий... глухой удар головой... я корчусь на асфальте, и жалею о содеянном... и скрюченные пальцы одной руки держатся за расшибленный живот, а другой шарят по воздуху, в надежде схватить улетающую жизнь... а он стоит и наблюдает сверху. Я не вижу, глаза лопнули наверно, но знаю. Он же изверг. Ему это конечно, даже нравится. Плачет, само-собой. Он часто плачет. Когда кого-то мучает. А я бессильно роняю слёзы, погибая от обиды – до меня доперло в последний миг – как же так, все живы – а я... Но и додумать не успеваю, Ветер откидывается на спину, резко возвращая к действительности: сопит Гдетыгдеты, тихо, с перерывами дышит Ветер. А у меня горят щёки от его пощечин.

– *Скотина ты поганая!* – говорю я, в разочаровании от несбывшейся смерти.

– *Знаю, не обрадовала ничем новым.*

– *Да пошел ты!* – и начинаю торопливо натягивать трусы.

– *Хорошо!* – встает и уходит. Будто мне не наплевать. Его долго нет, и ничто не мешает предаться горькому отчаянию – почему, ну почему он такой? Зачем мне его любить? Разорвал бы меня, уничтожил! Он и пытается, но будто не находит для окончания начатого достаточно сил. А я – чего ж сама-то жду? О-о, да если б помогало скулеть и извиваться!

Вот он возвращается, и я с тоской собаки смотрю на него. Но – какая пошлость – он, оказывается, жрать ходил!!

– *Да чтоб ты сдох!* – и скорчиваюсь в уголке. Он ничего не отвечает, и я начинаю тихо плакать. Что ж ещё делать?

Закуриваю прямо на постели и зло усмехаюсь – на хрена я всё это делаю? Ну вот нахрена? Вены бы порезать, но уже скучно.

– *А-у-у-у!!!* – вою, изгаляясь, в высокий потолок. На нём звездочки наклеенные подмигивают.

Я хочу умереть. Меня тошнит от сигареты как от самой жизни. Но от жизни ведь не избавиться, и от сигарет значит – тоже. Будто это запах самой жизни: вдыхать-выдыхать, и каждый вдох губит.

А знаете, почему психи так жадно курят, и никто им не запрещает? А потому что никотин давит на какой-то центр в мозгу, и они успокаиваются. Вот так, пусть лучше от рака легких подохнут, зато спокойные.

Вот Ветрушка держит сигарету и не поджигает, ему воспоминания неприятны...

А я, кажется, остаюсь в живых. Телефон – а чё не звонит?

– Где вы, мудаки?! – крикнула, потрясая им в воздухе. Глянула на дисплей – а, да, он же отключен!

– Ха, дура!

От двух дополнительных маленьких глоточков сладкой «Ямайки» настроение резко меняется – я больше не хочу быть одна! Какого хрена?

Шума и барагоза мне!

Хотя, как противно точно знать, что в самом разгаре веселухи полюса снова поменяются, и мне сыро будет на всю эту кашу смотреть.... Если вообще что-то будет!

Как назло, первый же, кому я звякнула, резко согласился прибыть через двадцать минут, и не один! Блин, значит разочарования не избежать. Хорошо, ладно, попытка номер два: уж эти-то точно обломают!

– Ой, Дика, круто! Щас будем! Через минут сорок, нормально? А... э-э, Дик, слушай, а на дорогу обратно... да? Ну, тогда едем!!

Вот так. Большим пальцем левой ноги врубила центр, и под «folk-industrial» принялась лёжа выдрыгиваться. Ладно, переверну с ног на голову все свои планы мрачно напиться в одиночестве, а заодно и половину дома! Хотя, у нас дом сталинский и звукоизоляция как раз даже для репетиций Роба Зомби. Но я сумею и это переорать.

Ага, вот кого точно в городе нет! Щас!

– Ведьма? Привет, как дел? Ну, и клёво! А щас чё делаете? А-а, понятно! Ну вот и как раз приходите ко мне! У меня ББ, то есть Большой Барагоз собирается. Прям щас придёте? Ну лады!

Прикол. Даже Ведьма-и-Русый будут. Я надеялась свой азарт удовлетворить, и найти хоть кого-то, кто откажется. По Ведьме я даже, пожалуй соскучилась. А Русый – так он Русый и есть. Не забыть бы голову отгрызть ему!

Понеслось...

В ожидании напаяли чулки. Глаза обвела погуще. «Шанелевское» чёрное платье с короткими рукавами. Я ГОТова.

Я готова... орет музлице... кто-то целует жадно... пошёл-на-хуй...

– ААА!!! ВЫ ВСЕ УБЛЮДКИ, ПОШЛИ ВСЕ ЛЮДИ В ПИЗДУ, Я ВАС НЕНАВИЖУ!!! – а на балконе так холодно... оказывается...

Со дна океана очень хочется остаться дома. Но я, как всегда это и бывает, проснулась в 6.30, хотя заснула в районе пяти. С тупым упорством выпихнула всех к чёрту, неосмысленно поглядела на свою облондиненную голову в зеркало, кое-как сообразила, что перекрасилась посредством Ленки. Собралась, накрутилась, и отчего-то, плохо отдавая себе отчет в том, что делаю, отправилась... в универ! На первую пару. Прикиньте, да? Причём в белой кофточке на замочках, джинсах со стразами-бабочками, и ультра-модных ботинках с носами загнутыми до идиотизма. А морда такая опухшая, глаза лихорадочные и на всём челе печать глубочайшего стремления к свету знаний! Можно было сделать маску для снятия опухлостей – да пошла она нах.

Но, отсидев полторы пары, прямо посреди общей психологии, молча встала и вышла, совершенно невозмутимо продефилировав мимо едва сдерживаемого изумления Елены Сергеевны, сухой мадам, известной своей строгостью.

Уже заходя в книжный, через дорогу, мне явилась наконец первая за утро мысль: «Нет, я нисколько не собиралась нарываться на праведный гнев Е.С., этой твари, переклинившейся на собственном величии – как же, она же психолог, и всех видит с потрохами! Но все подумают, что это – чудный эпатаж, по-типу да-а, мы на такое не способны! Но я-то совершенно не думала ни о чем, а просто словно за нитки дернула, встала и пошла! Видимо, если твой

мозг отключен, и не управляет телом – это берёт на себя кто-то другой, у кого в руках эти нити... может, ты сам? Ведь *Бог – это Я!*» Мысль сия так понравилась мне, что захотелось сразу ее записать, ведь для того с собой всегда дневник таскаю. Но... лень. Как-нибудь потом. Я, конечно, не вспомню, но хочется надеяться.

Купила «Голос нашей тени» Дж. Кэрролла. Долго выбирала, вчитывалась, морщилась – нет, всё не то. Потом схватила эту с полки «Современная классика». Меня привлекла фраза типа: «*Хоронили его на (таком-то) кладбище, он заметил его (тогда-то) и решил, что хочет лежать здесь*». Как ни странно для меня, решающим фактором оказалась цена – пятьдесят пять рублей. Хотелось Мансли за сто двадцать, новенькое, нечитанное. Мансли я люблю – их можно читать долго, много... Но если сейчас взять, тогда нифига не останется, а мало ли чего ещё захочется! Карточки не обслуживают в этом магазине. Отказывать себе не всегда приятно, но... Завтра же забегу сюда!

Прошталась я часа два. Делать было нехрена, и я решила вернуться в универ. Е. С. решительно осталась с нами ещё на одну пару, и я вошла тихо и просто, села на своё место напротив нее, открыла мятый конспект и уставилась на преподшу со всеми вниманием и прилежанием. Стопудняк, она подумала, что это собачья наглость с моей стороны – но я совершенно искренне – «клянусь вам»! – заинтересовалась лекцией! У меня вообще все мудачества от души (ну, вы заметили!) Е.С. слегка покорило, но держалась она молодцом. Всё верно, студенты имеют право покинуть неинтересное занятие. Другой вопрос – экзамен... Но это тоже чушь, чё же я, психологию что ль не сдам? Да пара ночей. На перемене, конечно, начнется: «Ива, ну, ты и дура! Она же тебя так отымеет на экзамене! Ты чё, это же монстр!» Но и это в корне неверно, никто меня не отымеет, потому что если у Е.С. будут плохие результаты в экзаменационном листе, то её деканат так саму выдерет! Она же опытный препод, проглотит наглость богатой соплячки! Насчет «я не нарочно», конечно, бесполезно. Да и неважно. И я пошла обедать. Подумав, выпила рюмку коньяку.

Блин, нафиг надо было, деньги-то последние на сегодня. Осталось сорок три рубля... Не дают родители мне наличные, надо – иди и сама снимай. Но в общем, жить можно. Банкомат где-то здесь был. Да и домой пора. По идее...

И я пошла к Ветру на работу. Он сидел на ящике и жрал солёную рыбу. *Придурок*, – подумала я в который раз. – *Не тупой ведь, и не мямля, шёл бы учиться, работал нормально! Но как же – физический труд сделал из обезьяны человека! Урод!* Хотя, я знаю, что учиться ему будет трудно: во-первых, конечно деньги – он сирота и содержит себя сам. Потом ещё не следует забывать, что он – псих, и с его «особым мышлением» (и штампом дурдома в карточке) состыковаться с внешним миром непросто. Он замкнутый очень, любимый мой Ветер, уж я знаю! Поверьте, его-то «мир не понимает»! Скорее наоборот, конечно, но не суть важно. Блин, но ведь так вот всю жизнь на ящике не просидишь! Надо же как-то... Эх, да что там, он же не собирается долго жить – «еще лет пять – семь, и ладно!» Дурак. Ест селедку без хлеба, смотрит на меня странными глазами, не отрываясь и молчит. А я люблю его! Ууу!!!

– Отлично выглядишь! – коротко бросает, доев и сполоснув рот какой-то гадостью, смачно схаркивает на пол. Мне противно – жуть! И я молча стою где стояла. А он подходит ко мне, и пристально щупает самое дно души прозрачным взглядом:

– Что с тобой, малыш? Ты страдаешь!

Дыхание перехватывает, я немею – за что?! Отворачиваюсь, *да как ты смеешь?*

– Чего бы вдруг? Всё нормально, – не глядя на него, не могу! Слезы срочно затолкать обратно!

— Вот, в универе сегодня была!

Чтобы отвлечься достаю «Вог» – я их не больно люблю, но ведь надо играть в тупую игру под названием «Привычки богатых девочек». Я вам потом подробнее об этом расскажу. А может и нет. Сейчас мне с ним потрахаться надо. А то завтра менстра, и сегодня спазмы

и потому очень хочется. Сделала пару затяжек, он уже понял, зачем пришла, и закрыл дверь своей сраной бытовки на щеколду. Я усмехаюсь, успокаиваясь вдруг, и сбрасываю все личины. В *такие* минуты я не прячусь. Хочу, чтобы Ветер получал именно *меня*, а не одну из тех, кого я изображаю. Не стерву, не панкушку, не богатую девочку, не ленивую студентку, не истеричку и не дурочку – а меня. Дикую Дику, Ивану Вишневецкую. Я быстро стягиваю джинсы вместе с трусиками, и встав на колени на его странно чистой лежанке беру в рот, стремясь скорее дать ему кончить, чтобы во второй раз он работал дольше. Подняв глаза с удовольствием замечаю, как он кривится в сладкой муке, запрокидывая голову. Его пальцы путаются у меня в волосах. Сводит челюсти – у него весьма несредненький! Попробуй-ка помести такой во рту полностью! Я мучаю его языком быстрее и быстрее, и через пять минут горячая сперма стекает в горло. Поспешно сглатываю, чтобы не захлебнуться. Он вздыхает свободнее и молча (как *иногда достаёт эта тишина!*) присоединяется ко мне на лежанке. Вместе мы снова уговариваем его «друга» ещё поработать. Редкое надо сказать, качество – быстро встаёт, трудно успокаивается! Но я больше не могу терпеть, мне очень больно! Вырываюсь, и встаю на четвереньки.

– Трахни меня, Ветер, пожалуйста! Трахни, я хочу, я не могу больше!

Я шла под дождём и думала – *ну вот нахрена, скажите мне, нахрена человеку в двадцать один год, работающему не то каким-то учётчиком, не то что-то в этом дурацком роде такие длинные, острые ногти? Оцарапал меня опять!* Я спрашивала об этом, заглядывая в глаза каждому второму встречному, потому что каждому первому в глаза заглянуть не успеешь. Но прохожие не знали. И собаки – не знали. Дождь холодный, кофта из белой, наверное, десять раз в серо-буро-козявчатую превратилась. Ну почему вот я куртку не надела, а?! Кожа замёрзла страшно. Между ног какой-то долбучий дискомфорт, как будто тампон из стекловаты зачихала. Этот шиз драный, видимо, заразил меня чем-нибудь, мало ли с кем ещё трётся? От этих мыслей я разревелась – не хочу, *не хочу* делить его с кем-то!! Даже с Гдетыгдеты, особенно с ней! Тех, других, я хотя бы не знаю на рожу, и они для меня вроде невыразительных теней. Однакож, сумевших инкогнито мне передать привет неприятностями между ног. Толстые, жирные, как напившийся комар, капли противно влепляются в лицо, и прямо по болезненно набухшим от ПМС соскам. Раздражает СТРАШНО! *«Прекратите издеваться, уберите же щипцы!»*⁴ – отмахиваюсь от них, но они такие назойливые и тупые – ни черта не объяснишь, в упор не понижают! Внешний мир весь пытается влезть в меня не только с воздухом, но и этой мерзкой, долбучей водой! И если от первого избавиться ну никак – в детстве поставила тыщу экспериментов по прекращению дыхания, что, понятно, закончилось крахом, задыхаешься и всё тут! К Богу в гости было рано, и я успокоилась на том, что ещё найду способ не дышать и оставаться сколько положено в ненавистном мире! – то от второго внешнего насилия мира, дождя, с его погаными сперматозоидами – дождинами, ввинчивающимися в меня сквозь непомерно растягиваемые поры кожи я могу, и избавлюсь непременно! Для чего поспешно влетаю в первую попавшуюся стеклянную дверь. Тупо замираю на мгновение, ослеплённая злостным светом – я попала в дорогой бутик. Понятие «цена» не имеет совершенно никакого значения для детеныша туго набитых баблом бизнесменов. И я решаю – ну, раз заперлась, значит, пора снова включать Пэрис Хилтон. С собой – несколько десятков, мятых, намокших в кармане джинсов. Зато есть пластиковая карта. Две крашенные дуры с плоскими масками подваливают ко мне. Я их интеллигентно посылаю очень далеко отсюда, и закапываюсь в кучу всякой бесцветной дряни – «это так модно в сезоне!» – ЭТО – да, это всегда модно! Тем более, в ТАКОМ сезоне. Когда дождь меня грязно изнасиловал, а Ветер – просто поимел. А сезончик ещё тот! Ни лица у него, ни выражения. Как заведённый труп – дождь, мерзавцы толпами. И я – в изгаженной

⁴ Текст Алексея Фишева

бывшей белой кофте. И стразы отваливаются – «берите, девушка, это Ли Купер. Стразы долго проживут, ни одна не упадёт!» Как гадко липнет к телу мокрая ткань, она тоже хочет кожу с меня снять, сука! И в чёртовом раздражении сдираю ненавистную вещь, швыряю её продавалке прямо в руки. Надо же, поймала!

– Выбросите это, немедленно! – и подумав, добавила до кучи: – Пожалуйста!

Равнодушно развернувшись, прошлась по залу в лифчике. Да и джинсы тоже на хер! И вот я в мокром белом белье – зеркала угодливо являют просвечивающие местечки, и дурацкий-дальше-некуда цвет волос – шляюсь по рядам вешалок. Охранник слюняво ухмыляется. А ведь ему бы надо меня выгнать к долбанной матери! Пара посетительниц немеет. Я нарушаю общественный порядок – и ничего! Это ведь так и надо, они же ВСЕ точно знают с малолетних щей – **такое** позволяют только деньги. Причём, если это не твои деньги. Свои, кровные, так не побросашь в помойку негодных капризов. Ну, и терпите, и давитесь грязной пеной зависти! Не зря же мои дорогие производители бросали меня одну в плохонькой квартирке, битком набитой злыми духами мучительных детских страхов, и одной-единственной молитвой – **чтобы настал вечер и святые Они пришли домой!!** Я всё думала – неужели, ну неужели же для того поковеркано моё детство, изломана моя слабая психика, чтобы я сейчас могла рыться в Гуччах и Мексах как ленивая курица? Это им на извращенный алтарь брошено святое, пугливое и невинное, то, что должно быть САМЫМ ЛУЧШИМ в жизни каждого человека – ДЕТСТВО?! И не просто, а **моё**, моё детство, граждане-господа!!! Да, Иваночка, да, детка моя сладкая, мусю-сю! На вот тебе оранжевенькую простецкую тряпчёнку за 2 800, не мерзни! Твое здоровье ведь ох, как **дорого!** Один подгнивший зубик в 3 400 обошёлся. И + пузырёчек коньячку, чтобы со следующим зубиком всегда могла на дяденьку-оченьхорошего-стоматолога рассчитывать! Да, а кстати, деточка – ну неприличненько же в трусиках – вот тебе юбочка за 1 250, джинсовенькая, со складочками, и такая, бля, коротенькая – вся попа наружу! А попато не хухры-мухры, 102 сантиметрика уже! Ну да, как раз для такой юбочки, и делают же, думают, хорошо смотрится? Уроды. Тогда уж и ремешочек к ней за 1 780. И галстучек – не в тему, зато за 2 870. Чулки в клеточку – вот это я люблю. Куртку серую, невыразительнейшую, и не в тему. Сапожки проститутские на шнуровке до колена. Сигарету у охранника. Чек на папино имя. Позвонили – удостоверились. Расплылись в улыбочке. Ах, да! Напоследок ненависть к этим убожествам взяла своё – прошвырнулась ещё раз по залу. Выбрала что-то совсем уж идиотическое – полосатое. С железяками и стразами, и впихнула продавщицам. Заотнекивались, курицы, а сами – довольны. Халява! Взяли, не подавились, суки.

Выходя, я несколько успокоилась. Не суки они. Сука – я. А они – серость, тупая безликая каша. Отвратительная человечина. Какое имя не дай – дрянь, уродцы, всё не под них. Они вообще ничто и имени никакого не надо. Безликие и безымянные.

Кажется, это и называется гордыней, и есть один из страшнейших грехов, наряду с самоубийством. Чтож, судьба, значит. Вкус суицида я уже знаю отлично. А гордыня всегда при мне была. Пыталась я честно, жить и быть в **их** бытии. Ни-фи-га. Не могу. И не подлежит обсуждению. Сама с собой я всё давно обсудила. И вам объяснять не буду. Непонятно – и не надо. Не люблю я вас. Точка.

Вот иду, значит, попой верчу направо-налево. Приключений на неё ищу. Подъезжает этот... как его? – на байке, короче, черном «Урале». Ничё так, на лицо. Забыла, как звать. Поздоровался, слез с машины, обниматься давай – ну прям так и соскучился! Просто трахаться хочется, да видимо не с кем. Не байк же ему трахать – не кобыла. Стою, он меня лапает, триндит чё-то, я не слушаю. Думаю – дать – не дать? Вроде как, отчего бы и нет? Ветер меня не любит. Я хочу его круглосуточно. А он делит меня с кем попало, и даже ни капли не волнуется этим. Горько мне, ох, больно! Да ещё и что-то не проходит дискомфорт между ног...

– Айда, поехали!

- Куда, блондиночка моя? – рожа наглая, симпатичная, пару дней небритая.
- Куда хочешь! – и непристойно вильнула бёдрами. Пропади всё пропадом.
- Серьёзно? Ну смотри! Поехали.

Вот теперь вы радостно подрагивая ждёте описания дальнейших событий, смачно-похотливых в своих подробностях. Прошу!

Приехали на какую-то укромную поляну, на берегу Уфимки. Солнце после дождя светило с жуткой силой, будто стремясь скорее испепелить жизнь земную. А да, вам не это надо сейчас. Ну, про «это». Дело было в какой-то железной хреновине, по-типу заброшенной лодочной станции. Я забралась туда первой, юбка задралась до ушей, безымянный он присвистнул, и смачно облапал. Достал из кармана кусок клеёнки, специально видимо, заготовленный. Расстелил. Сверху куртку. Ложиться я не стала, приняла другую позу. Какую – да сами навоображайте. С широко разведенными коленями и упором на локти. Чё сказать – куннилингус был редкостно мастерский! Так даже Ветер не умеет, а ведь я полагала, что лучше умельца нет! Байкер то нежно, то настойчиво проводил языком, слегка прикусывая... и всё так в момент нужный, будто чувствуя, чего мне именно в данную секунду надо, чтобы слишком быстро не кончить, и непрерывно скользить, как по канату над пропастью в бесконечном блаженстве! В оргазм я сорвалась, как в эту пропасть, и летела целую вечность. Кажется, я кричала и извивалась, не знаю. Помрачение сознания, во время которого он деликатно ждал моего возвращения в мир живых. Когда я открыла глаза, он дрожал от нетерпения. Я посмотрела на него с недоумением – ну что за мудака станет дожидаться, пока девка в себя придет? Чё, думает, я ему теперь дам что-ли, такому тупому? Да не надо мне больше, а он мне никто, чтобы снова раздвигать ноги из признательности или жалости. Он, мало того, ещё и попытался взять меня, не сообразив, что ПОЗДНО! Я оттолкнула его, шепчущего какую-то уговаривающую хрень, и пытающегося повалить меня на спину. Но он, весь в дурмане нетерпения принялся настаивать, а я тогда применила злобное ядовитое оружие, страшнее которого в подобный момент не придумал бы и Сатана – засмеялась гадливо и противно. Его это как громом поразило. Если бы горящая стрела воткнулась в самую простату – он бы, наверное, только тогда испытал подобное, могу лишь туманно представить! Я заткнулась, и без тени жалости – *мерзкая сука*, зачем так, редкостный любовник, за что ему? – прошкандыбала к выходу, даже не оглянувшись на него, сидящего в жалкой позе, и не знаю – может и дрожащего. Ветер не любит меня. Ветер не хочет *меня*, а лишь моё доступное сытое тело. Мне никогда не стать панком, и даже просто человеком по-настоящему дорогим извращённому широкофрену – Повиликину Гавриилу Евгеньевичу, Гане – Ветру. И вот вся эта обида отдана ему – безымянному байкеру, восхитительно владеющему языком, и СОВЕРШЕННО ни в чём передо мной не виноватому. А я – отработанная Ветром шлюха, пузырь из-под водяры, вышвырнутый тяжелым ботинком на помойку за ненужностью – я пуста и стеклянна. Пешком пересекла два квартала, вечерело, от сырости стучали зубы – солнце чёртово как накалило так и отступило, с равной злобой. Изошренный расчёт – поджарить и заморозить. Станный и непонятный октябрь. А с меня будто все пенки сняли. Грязная я тварь. Достала ключи от запасной квартиры – вон мой дом, новехонький, отличный, крыша зелёная. Предками купленная хатка специально к моему восемнадцатилетию. Умницы, они с тех пор туда ни разу не сунулись, только чтобы чисто технически проконтролировать процесс отделки. Там всё моё, в том числе и стратегический запас спиртов. Я могу периодически жить там сколько вздумается. Сначала пару месяцев выдержала, но готовить самой и обсуждать сериалы с мамой по телефону оказалось стрёмно, и я вернулась к предкам. Сохранив полную свободу выбора мест обитания. Единственно лишь, что на их территории я соблюдаю их Конституцию, а у меня они подчиняются *моей* анархии. То есть, анархия лишь для меня. Вот так.

Я подняла голову к наливающемуся антрацитом небу, и горячие слёзы стекли обратно в душу. Боль, боль заполнила собой до краёв. Пойти домой – нет!!! Не могу сегодня их видеть! Борщ этот тети Нюрин-домработницын, папа с газетой, мама с зелёной маской на лице... сидеть в своей пустой норе – вообще свихнусь! Налакаюсь и выброшусь – этаж седьмой, хоть и ни капли не хочу, у бухла свои истерические правила. Тут где-то за спиной и слева пропел мотор байка, и сердце дёрнулось! Я – бегом туда, задыхаясь в жутких чувствах – не простит! Не останется, и я сдохну, некому спасти!

– Гоблин, Гоблин!! – заорала я, как полный шиз, выбегая на дорогу, и кидаюсь под колёса... от отчаяния и «имя» его всплыло, минуя сознание сразу на язык.

– Ты чё... мать твою! Ебанутая! Куда, бля, лезешь, сука!! – глаза просто квадратные, а мне – не передать! Я подлетела вороной, вцепилась когтями в добычу, рвала на части, слезами:

– Гоблин, прости меня, ну, прости, ради бога! Ну, пожалуйста! Ну, сука я, тварь подзаборная! Прости!

Он офигело пялится на мои непонятные страдания минуту точно, и неуверенно отстраняясь осведомляется:

– Ты чё, Дика, пизданулась совсем? Чё надо-то теперь вдруг? Нет бы хоть на хуй послала, и то...

Сил отпихнуть меня он в себе не находит, наоборот обнимает (победа!!), и бормочет примирительно:

– Ну, ладно, ладно, харэ, чего ты! Объясни хоть путь-путём, у тебя крыша поехала нахуй, не вкурил я чего-то!

А я уже всю косуху ему пропитала слезами-соплями. Продолжая вздрагивать, хоть на деле приступ прошёл совсем. И не отрывая головы от его груди лепечу:

– Пошли ко мне ночевать, а? Ну, пошли! Мне стрёмно в одиночку... у меня бухло есть, и трава, если хочешь! Ганджа реальная, я тебе всё объясню, тока пошли!

– Ну, Дика Дикая, ты даё-ошь! А сразу чё заломалась, как сука последняя? Я чуть не сдох, блядь!

Я поднимаю лицо, и впервые по-настоящему заглядываю ему в глаза – карие с чёрными точками, смешливые и доверчивые, как у подрастающего щенка. Не глупые совсем. Этот дурацкий тон к таким глазам не идёт. Хотя, как посмотреть!

– Далеко – нет?

– Нет. Резину тока купить, у остановки точка, через пару домов. А мой – вот! – я указала рукой, шмыгнув носом. Теперь доверчивую шалавистую дуру играем. В тему – не в тему но прокатывает: байкер смеётся и хлопает по кожаному боку зверины:

– Садись, что ж!

Через пару часов мы уже изрядно навеселе. Пиццу дожрали, вылакали бутылку текилы. Чё было – не знаю. Чё будет – тоже. Но не трахаться не разговаривать явно не... и язык... липкий? А где же эти... как их? А, глюки! Нету. Хе-хе... хе-хе-хе...

– Ах-ха-ха!! – принимаюсь вдруг ржать во весь голос, даже не зная, весело ли мне? И так – до упаду, до бессознания и до смерти Вселенной...

А вот что интересно! Я садистка, или мазохистка? Мне чаще бывает больно, гораздо чаще, чем кому-то из-за меня! Значит, мазохистка. А я этого не хочу!!! Пусть будет больно другим. Значит – садистка. Не знаю... хочу Ветра, прямо сейчас. Сильно, больно, дико и зло.

*Потащил её ебать, потащил её ебать
На шифоньер и на кровать*

Иди сюда, сука!

Я не хочу!

Зато я хочу!!!

Хорошая сладкая, я люблю тебя, блядь, блядь.....

Обыкновенный сексизм...⁵

– Гоблин, а хочешь, поцелуемся, ты губами – я ножом! Хочешь – выпрыгни в окно – тогда вместе мы поржём...⁶

Отойдя слегка, я потащила в туалет, и наступила на раскрытую тетрадь-дневник на полу. Подняла, заглянула, и когда зрение позволило, прочитала с трудом:

«Поразмыслив, я пришла к выводу, что я все-же больше мазохистка, хоть иногда и приятно подчинять; а ты садист, хоть иногда желаешь унижений. Это же и так видно, по нашему сексу! Я прошу грубости, и тебя это зажигает. Потому мы периодически меняемся ролями. И тем счастливы...»

Дура. Тоже мне, счастье...

Пару недель спустя я перекрасилась снова, на этот раз в тёмно-медовый, с золотистыми прядями, очень клёво к глазам шоколадным. Это мама не вытерпев, дала денег, и отправила в дорогой салон. Я провела там три часа, подрезала волосы под удлинённое каре, и чёлку добавила. Кр-расота! Выходя, промелькнула мыслишка – а Ветру бы понравилось? Но так вяло и пугливо, мелькнула – и испарилась. Лень и тоска вспоминать про него. Менять надо любовничка. Этот уже – *да!* – стирается.

Распотрошила счёт свой основательно, пошла домой к себе, звякнула маме, что снова решила пожить самостоятельно.

С байкером мы так и затусовались у меня на хате – трахались, смеялись, пили портвейн и текилу, поедали пиццу и картошку, смотрели порнуху. Катались, курили, и встречая знакомых на вопрос вместе ли мы отвечали, хихикая – «не знаем»! Мы и правда не знали. Угар, сплошной прикольный сон, запой – вместе ли мы? И были ли когда-то Ветер и Ленка? И на универ забила, не задумываясь ни о чём. Телефон положила в дальний угол, батарейка села, и всё, меня не найти! Мама звонила на стационарный – типа, Лена тебя ищет, ну и хер с Леной, я так и сказала. Что подумала на это мама, меня не ебёт. Меня ничего не ебёт. Я даже предохраняться перестала – а это-то всегда очень тщательно блюла. Оставила на заботу Гоблина, пусть сам парится, но не знаю, парился ли он? Нет, наверное, а мне всё равно, я и не спрашиваю. *«Хуета рожденная хуйнёй».*⁷ Не родить бы мне, эдакой... Не рожу. Всё нормально. Уга-арр!!

– Какие у тебя глазки красивые, чудо! – прошептал Ветер, обняв меня, и пытаюсь поцеловать. Я отворачиваюсь. Романтика? Хе, не на того нарвались, чтобы верить в эту чувственность, эту нежность. Да он прямо-таки влюблён! Можно было бы и так подумать. Да я больше всех на свете хочу верить в это!! Слезы уже душат душу. Чёрт, чёрт! Какая он дрянь всё же!

⁵ Текст Алексея Фишева

⁶ Текст Алексея Фишева

⁷ Стихи Александра Шмеля.

Без него практически не плачу, даже от злости и отчаяния, ни-ког-да! Только *«когда за эту вот хуйню мне сдохнуть очень хочется...»*⁸

– Скажи-ка, миленький, а почему ты со мной трахаешься, а любишь Гдетыгдеты? Нет, я понимаю, нечего вроде бы объяснять, но всё же! Уж ты-то понимаешь, о чём я!

Он кивает, опуская голову, глядя себе под ноги. Слегка задумывается. Я закуриваю – ненавижу его, себя, Гдеты, и всю эту долбанную жизнь. А ещё говорят, что ничего ни с кем не случится, из того, чего он не хочет. Ну, неужели же я этого хотела, чтобы меня так нагло и откровенно не любили?

– Да, ты знаешь... вот ты всё говоришь – зачем ты всегда всё испортишь? А я всё думаю – почему я не с тобой? Почему тебя трахаю, много, часто и с изуверским удовольствием? Да тебе ещё и нравится. Так? Нравится. Вот, а Гдеты... хотя, нет, мы про тебя сейчас решили поговорить. Так вот. Ты не будешь смеяться, и я скажу. Я тебя люблю, Дика. Не веришь? Чего смеешься?

– Да, нет, плачешь! – не утираюсь, не стоит. Мне не стыдно. И вообще, всё равно не видно, на этом чердаке такая темень. А на улице, наверное, жуть какая холодрыга, снег выпал. Но мы сидим на трубе, даже куртки поснимали.

– А, ну поплачь. Тоже хорошо.

Циничная сука! Вздохнуть больно. Грёбанная правда. Ну, что ещё?

– Так вот. Дикая моя, я тебя люблю. Не стану нудеть – но не так, как ЕЁ, ты сама знаешь. Вообще, для чего я сейчас всё это говорю? У нас же с тобой идеальное взаимопонимание. Я и сам то и дело не понимаю, почему мы не с тобой. Но ответ знаешь и ты, точно так же, как и я! Разве нет?

– Нет.

То ли самое он мне скажет, что я думаю? Настолько ли мы друг друга понимаем, как я полагаю? Больно, аж замираю.

– Ладно, объясню! Всё же стоит выяснить... настолько ли мы друг друга понимаем, как я полагаю...

Что?? Воздух застревает в горле.

– Ты мне – как самое родное существо в мире! Хочешь – убей меня за эти слова! Логичнее логики было бы нам быть с тобой! Но ведь ты – это я! Нам с тобой – то есть мне, если можно говорить «я» о двух людях сразу, а в нашем случае можно! Так вот, мне – этому самому двуполому мне, требуется кто-то... ну, пара! Понимаешь! Мы с тобой – один, а Гдеты – наша пара... ну, то есть, моя! В смысле, если ты и я – это одно Я!

– Блядь, да ты точно законченный урод! – прошептала я, качая в темноте головой. Я верю ему – Господи, за что, почему я ему верю!

– Ты – шиз, придурок! Твоё место в дурке, псих хренов! – ору я, не выдержав распирающей любви и доверия. Я верю, верю – он прав, как бог, как дух святой! Ведь всё так просто и... Вскочила, и побежала прочь, прочь!! Что я делаю? А это уже моя логика. Надо играть, будто я его не понимаю а то вдруг он поверит мне, так же как и я ему? И в то же время, слыша топот его гадов за спиной, чувствуя, что он догоняет, я не бегу так, чтобы действительно убежать. Я жду, что он догонит, и мне очень стыдно, что я его понимаю, а он понимает, что я имею в виду, убегая.

– Да, именно, девочка моя! Вот вместе туда и отправимся! – хватает в темноте, на вылете из окна подъезда – я оказывается, успела спуститься на какой-то этаж, и думала уже выпрыгнуть в окно!

С блаженной болью утыкаюсь ему в грудь, и хохочу. Игра удалась. Он целует меня, мысли расплываются... и я знаю, снова и снова *знаю, что ни за что не прыгнула бы, и вид делать*

⁸ Текст группы «Теплая трасса»

не стала, если б он не бежал за мной. Эта пошлая игра. Эта великая актриса Дикая Дика играет лишь для него! Как он целуется, хоть подохнуть – лишь бы на последок он ещё поцеловал...

Но в то же время, – думаю я, успокоившись в его объятьях, сидя на теплой трубе – хоть и страшно признаться, но меня устраивает, наша любовь втроём, вернее «вдвоём», раз уж мы оба считаем себя одним Я. Ветер меня упорно ломает, чтобы я призналась себе, научилась бесстыдно признаваться себе в самой себе, в том, что мне действительно нравится. Нравится *мне*, а не той, кого я ломаю, и уже заостенело привыкла выламывать перед всеми и собой. Привычки, воспитание, окружение, общество... а вот он отлежал в дурке, и именно за то, что не хотел, вернее не умел как-то ломаться, и в первую очередь перед самим собой. Пусть вся эта его правда не был никакой и никогда правдой, она была ею. Он не врал *себе*, он врал всем. А врачи догадались, что он себе не врёт, и это называлось шизофренией с каким-то там синдромом, я постоянно забываю, сложно выговорить. Это сначала, а потом ещё добавили. Сколько у него теперь степень – я не знаю, он не говорит – я не спрашиваю. Боже, какой я шок испытала, сколько боли вынесла, как корила себя, и раздумывала без конца – можно ли допускать такую бесстыдность, так откровенно *быть*? Носить кучу масок при себе, но всегда быть голым под тонкой кожурочкой, и так ловко этой шкуркой пользоваться, что никто и не увидит в упор, что ты голый под ней, что вот она – душа твоя, совсем—совсем близко! И показывать её только тем, кому хочешь показать. Зато и обидеть кто угодно может, но – в чём главная фишка Ветра – *кто угоден ему, тот и обидит*. Он сам решает, на кого обижаться! Боже, я недолго этому училась, меня так увлекло быть *самим своим*, и *действительно жить*, играя. Ах, как он это совмещает! Я благодарна судьбе, что он встретился мне! Пипец просто, да невозможно было не встретить! И слава Богу, не поздно! А то ведь как бывает – встречаются, и хотели бы научиться снова *быть* у этого Встреченного, но настолько заостенели, что *всё...* «*И что тебе останется вместо мечты? Ухаживать за нею, поливая цветы...*»⁹

Очнулась я от чувства жжения в спине, будто под ней сковородка. Оказалось, я заснула. Даже не надев трусов на горячей чердачной трубе. Села на ветровой куртке, оделась. В промежности – жуть, все сухо и противно. Пыли, наверное, набилось... Не к добру это! Поморщилась, огляделась – Ветер сопит на грязнящем полу у моих ног. Мне это показалось забавным, я тихо рассмеявшись потрогала его босой ногой.

– Вот, Ветерок, теперь и ты моя рабыня! Валяешься в пыли у ног Госпожи Дики, по всем правилам садизма!

Он недовольно заворочавшись, резко скинул с себя мою ножку. А вот это обидно! Посопев, я встала и обувшись, пошла исследовать наше сегодняшнее пристанище. Темнотища, пылища – жуть!

– Блядь!! – это я башкой обо что-то долбанулась.

Вдруг стало страшно, и я почти бегом, на ощупь выставив руки перед собой, помчалась назад, к Ветру. Там откуда-то слабенько свет сочится, и видно хоть что-то, силуэт Ветра. Он не проснулся. Я села на трубу, и надувшись, сложила руки между колен, смотрела на него. Ну как же так? И чем себя занять – мне ску-учно! От нечего делать, принимаюсь тихо насвистывать, желая разбудить Ветра, но не желая, чтобы это выглядело намеренным! Как раз верно вымеряла тональность – он нервно передернувшись, поворачивается ко мне личиком, и открывает любимые глазки. Я моментально замолкаю, с радостью выжидательно глядя на него. Он страшно недоволен, шипит:

– Ивана, ты охренела! Я спать хочу, как скотина рабочая! Мне на работу завтра...

– Сёдня... – механически поправляю. Ого, ничего же себе, на работу ему! А как же я? Опять в отстой?

⁹ Текст группы «Пилот»

– Всё, спи давай. Или сиди хотя бы спокойно!

– Ну... дай хотя бы сигарету, – ну и спи, урод!

Он долго шарится, матерясь полупрошепотом, протягивает сигаретку.

– А жигууу? – ною «очаровательным» женским голоском.

– Уф, блядь! – не выдерживает он. Но ничего, у меня настроение такое придурчивое. Прикурила, сижу. Я его хорошо знаю, сейчас присоединится. Если потревожишь – у него слетает с катушек сон. И точно, поворочившись какое-то время – я не успела и половину скурить – шумно вздохнув, садится.

– Дика. Ты меня добила! Теперь и не уснуть ни хрена...

Тоже закуривает. Ути, моя прелесть!

– Давай, споем тогда, дура ты моя!

– Давай!! – обожаю эти резкие перемены в его настроении!

Это сверхценные моменты – он никогда не поет, нигде и ни с кем, только со мной – и очень редко.

Так остаток ночи мы и просидели покуривая и попевая, на горячей трубе. Перед самым уходом случилась общая истерика – хохотали, как бешеные, чуть не упали с лестницы, а от чего, не знаю!

Ну, бывает...

Шла их универа ловить такси, вдруг остановилась дорогая, длинная чёрная тачка, прямо возле меня, стекло опустилось:

– Ивана? – красивый, стильно растрёпанный мальчик смотрел на меня с восторгом.

– Ринат?? – у меня глаза на лоб полезли – это ж моя «типа первая любовь», мой дебютный парень!

– Привет, чертёнок! – он распахнул дверцу: – Садись!

«Чертёнком» он называл меня за пристрастие к анти-гламуру «риал бэд гёрл».

– А ты помнишь, надо же! – села я рядом.

Он кивнул, слегка касаясь моих губ губами.

– А как же? Забудешь тебя! – и улыбнулся озорными чёрными глазами:

– Куда ты сейчас?

– Я в переход, на Горс!

– Ага, совсем не изменилась! Всё та же «бэд гёрл», и «Панкс нот дэд»?

– Да и ты, знаешь ли, всё тот же! – ответила я, рассматривая его: – Только, кажется, подрос немножко?

– Ну да, есть такое дело! – пожал он плечами: – А давай не поедешь ты к своим панкам, а рванём куда-нибудь, посимпатичнее, выпьем, побазарим!

– Давай! – моментально согласилась обожающая спонтанности я. Почему бы и нет?

Но в «Японике» мы сидели недолго – он заговорщицки подмигнув, предложил взять дешевого алкоголя, и завалиться в подъезд, поиграть в детство, посидеть на ступеньках, как мы любили делать подростками, в пику предкам! Ринатка ведь парень моего круга, по деньгам и образованию, и по возрасту. Мама была очень довольна таким «приобретением», думая, что я вращаюсь со своими «ровнями». А я вообще не понимаю, как наличие денег может делать тебе ровню из людей? Или напротив, не ровню. Вот его мамашка была чуть не в истерике, когда увидела меня! Я была маленькая, худенькая (это уж потом враз вымахала и растолстела в половину себя!), глазастая, стриженная лохмами во все стороны, жутко красилась, и вообще этакая «девочка-Сто-булавок». Но Ринатка ни в какую не желал бросить меня, молча снося истерики и бойкот мамочки. Даже думал жениться, и убежать в какую-нибудь Америку, где мы будем учиться в одном университете, и ходить на все концерты «Эксплойтэд» для меня

и «Слипнот» для него! Он альтернативу очень любил, и до сих пор любит, потому и не чувствовалось расхождения во вкусах особого.

Вспоминая всё это на лесенке, мы смеялись, «плакали», курили.

– А помнишь, Иванка, как однажды двое суток проторчали в кино! – блестя глазами, и размахивая бутылкой, восторженно вопил Ринат.

Да уж, помню! Выбегали поесть, и если был перерыв между сеансами, то спали по часу-два в машине его, хоть он и был несовершеннолетний, но благодаря «Большому папочке» откупался всегда легко. Прогуляли сто шестьдесят тысяч... Клёво! Неповторимо!

– Эх, детство моё, любовь наша прошлая... – вздыхал он.

Он дарил мне чёрные розы, шипастые напульсники и сережки для пирсинга коробками! Потому что не знал, какие мне больше понравятся... А этот наивная наша, полудетская постель... И всё так радужно было, так юно и мило.... Не то, что с Ветром!

Только вот ноги затекли сидеть. Пригласила его домой, допивать, ведь торопиться ни ему ни мне некуда!

...Стакан скотча растянулся на несколько часов.

– Трахни меня, милый...

Он наклоняется, целует мои груди, упирается на локти, входит, и начинает двигаться. В самый ненужный момент мелькают образы Ветра, и... Да, я очень хочу, но почему-то не чувствую почти ничего...

– Нет, не так...

– А как? – немного приостанавливается, внимательный и нежный, как и прежде. Сердце тает от воспоминаний! Вот только немного переменим позу... это ведь тогда хорошо было попростому. Сейчас же...

– Мне так не больно! А я хочу, чтоб больно!

– Ну давай! – он живо заинтересован, поднимается, пытаюсь не выходить из меня. Я хочу закинуть ноги ему на плечи, и чтобы он так трахнул меня.

– О, Иванка, ты горячая киска! – шепчет он довольный.

– Ну, давай, грубее...

– Что?

– Грубее... ещё, мне так не больно, ну же! – я вся таю, горячая, как мороженое в чашке кофе, и скоро кончу...

Но этот дурак почему-то вместо того, чтобы ответить на мою простую просьбу, останавливается совсем!

– Ну что? – недовольно спрашиваю я.

– Ты... Ивана, извини...

– Он совсем обалдел – сбрасывает мои ножки со своих плеч. Садится на колени и складывает руки между ног.

– Чего? – я пытаюсь притянуть его обратно, но он не идёт ко мне! Блядь.

– Ты что, извращенка? – задаёт вопрос в лоб. Дурак!

– Чего? – совсем охрененно! Всё желание пропадает!

– А чего так вдруг подумал?

– Ну... ты боли просишь!

– Ну и что? Я так просто кончить не могу! – дуюсь уже. Козёл. В – чём трабл? – Но ведь скучно же просто так поелозить и всё Давай, неужели ты никогда...

– Что, Ивана, что ты мне сказать хочешь этим? Ты ведь не была такой раньше...

Э, да у него прямо истерика щас сделается! Вот ещё, каков!

– Да, это раньше было! Вспомнил, тоже мне!

– Тебе плохо со мной было, так? – начинает заводить. А обо мне не подумал??

– Когда? Щас или всегда? То есть тогда? – я тоже не железо. Достал! Неужели интересно просто так трахаться?

– Извини, но если тебе так интересно – да, я извращенка! Если называть извращениями нормальное желание грубого, откровенного и горячего секса!! – почти проорала я ему в лицо. Вся пелена очарования спала. Он смотрел на меня как законченное быдло – удивленно и разочарованно, даже напугано. Что вы, мальчику предложили капельку реального секса, живого разврата, а это же... так страшно!! Господь с вами, куды там, сунул-вынул – и драть под немецкую порнуху! А в жизни мы не такие, мы культурные, бля, чистые!

Кажется что-то из этого я проорала ему в лицо, не знаю. Заметила только, что он попытался что-то там примирительное пробормотать, даже попробовал отважно меня, грязную извращенку, обнять, но я его отпихнула, и вот он уже недоуменно одевается. А я холодно и сухо, как в моей пизде сейчас, бросаю:

– Уходи.

Ушёл. А я разревелась, отчаянно и страшно, в голос, пугая сама себя горестными, глухими, безысходными стонами! Чего я ожидала от бедного первого любовника? Всё кончилось слезами и болью – выгнала его, ни в чём не виноватого, чувствуя себя херовей некуда – что такое *просто секс* – ПОСЛЕ ВЕТРА?! Ревела сорок минут безостановочно, думая что переломана Им, и обратной дороги нет.

Сердце сжалось – Боже, Господи! Вот и всё. И если раньше можно было лелеять пустопорожние надежды на возвращение в старое, в *себя*, и ещё там куда-то, думать, что мир без Ветра есть, и не рухнет на голову небо, и что я без него попросту могу... то теперь – ясно как божий день, как сам свет – всё!!! Обратной дороги нет. И не было давно. Я не могу даже трахаться просто так! Меня надо ломать, и я должна ломать! И строить заново каждый раз, и всё это в один короткий секс! И Ветер, Ветер, Ветер...

Телефон – как спасение, как возвращение домой:

– Ветер... – голос тихий и хриплый, сел от рыданий.

– Приезжай, пожалуйста! – прошептала я в трубку: – Я с ума сойду!

— *Ну, что, сучке не хватает папочки?! Ну, кам цу мир, тогда!*

– *Не смей, не смей мне изменять... – тихо, и зло, вкрадчиво, стягивая ремешок. Я в страхе отступаю – опять боль, синяки, полосы... нет...*

– *Ты просто дрянь, плохая, гадкая девчонка!! Шлюха...* – удар. Я таю от злого унижения – это Ветер!

– *Пошёл ты на хер, не смей меня бить! Я тебе не сука!!*

– *Ах, так! Ты не слушаешься? Плохая, злая, непослушная, негодная сука!!* – «утешает» мою больную душу. Жить без него не имеет смысла! Сделай мне больше...

– *Не изменяй себе! Тварь... моя, только моя, тварь...*

Мы сцепились, как два лютых зверя.

Спустя час, уже я избивала его, стоящего передо мной на коленях, и сверкающего возбужденными глазами. Тем же самым ремешком...

Каждый получает своё.

...И мы засыпаем крепко обнявшись, самые пустые и уничтоженные в мире любовники.

Первый раз – он важный самый

После такого никогда больше не стать прежней, не забыть и не перепрыгнуть.

А в первый раз у нас втроём было так:

Я была так наивна и проста ещё... только год прошёл, но уже так давно! Вечность, пропасть разделяет меня с тем временем, называемым мной *той жизнью*.

Однажды, когда в головке моей ещё благополучно дымился романтический бред. После недавнего знакомства с Ветром, парнем относительно новой подруги – мы с Гдеты жили раньше в одном доме, потом разбежались, потом столкнулись в панк-тусовке. И сдружились наивно и по-детски. Даже не знаю, почему.

Ветер шептал ей что-то, и целовал за ухом, а я не очень давно потеряла девственность, просто и неизобретательно, и думала, что секс – приятная мелочь. Хоть и волнительная. С парнем рассталась, потому что стало скучновато вместе, и была открыта новым и новым приключениям! Уверенная, что у меня-то будет всё так мило-развратски, я же только начала и всё такое... ну, понятно. А тут – высокий, красивый. Загадочный. Романтично обходящийся с не особо хорошенькой, кривоноженькой слегка, кривозубенькой и обыкновенной Гдетыгдеты Ветер... Я моментально решила, что если он так любит страшненькую Гдеты, ну, максимум, с натяжкой – симпатичную, то уж против меня – красавицы, с кожей персикового оттенка, с такими драгоценными карими глазами и полной грудью, с ногами как дорогие бутылочки и во всех лучших атрибутах панк-гёрл – уж мне-то ничего не стоит заполучить такого же... Ну, или его именно. Хоть, конечно, и стыдновато признать было сразу, но гордое чувство своей красоты давало мне ощущение, что будет точно «не виноватая я, он сам пришел!» и что потом останется всем только дружно признать, что куда уж ему было устоять перед такой роковой красавицей! Лелея такого рода мечты, я влеклась на его прекрасные глаза в роскошнейших ресницах, на его таинственную и удивительно притягательную, что-то очень важное лично для меня означающую, будто подтверждающую родство душ складочку у тонких губ. Его манера облизываться, касаясь быстро кончиком языка верхней губы, его странная тоскливость временами, его пугающая черта – то и дело не предупреждая пропадать из виду – всё это казалось одной лишь мне заметной, и вот-вот он придет ко мне, и упадет к ногам, и откроет сердце – что лишь я его понимаю по-настоящему, и любить будет до смерти... Время шло, ничего не менялось, он всё так же бросал на меня многозначительные взгляды, а я ловилась, и замирала в струнку, а он уходил с Ленкой, а я отказывала всем подряд, и прослыла циником. Я его ждала, и верила что так будет. Господи, да если б я знала, что ТАК И БУДЕТ!!! Но как это будет, какой мукой обернется, каким насилием постоянным... понимать его – да лучше удавиться! И удавишься – а потом как же его понимать? И удавливаясь – понимать его, потому что он суицидник. Замкнутый пиздец.

И вот, настал момент – я каждый раз к нему дрожа готовилась, и одевала лучшее бельё, и красилась, и думала – *вот вдруг да сегодня... нет, точно сегодня!!!*

А оказалась не готова. Привыкнув ждать, трудно не спасовать, получая наконец.

– Дика, пошли сегодня к нам... с нами!

Как гром среди ясного неба!! С ними... это что же, втроём? Ладно, подвинем Гдеты. Я уверена, он оценит на контрасте, так даже лучше, моё прекрасное тело (хоть я временами и неуверенна в этих лишних сантиметрах, но сейчас нельзя было так думать!)

Кошмар, пережитый потом, не поддается описанию. Он больше чем изнасиловал меня, мне больно было ходить, и плакать, я проклинала всё на свете. Он назвал это операцией по истинной дефлорации, и сволочь, был прав! После этого мне всё уже было нипочем, и садомазохизм распахнул мне объятия как родной. Посидев пару дней в полной изоляции, я переосмыслила себя, изнасилованную, насильно приобщенную к истинной сути развязного и бес-

предельного секса, я вернулась на улицу с глазами голодной хищницы – теперь меня боялись уже, избегая не из-за репутации отказницы, хорошей девочки, а страшась последствий, которых мои глаза сулили. Я нагло взидала на всех, никому не отказывая, скорее, даже приглашая, но они бежали прочь, трусливые зверьки, чуя жажду Похоти истинного зверя, причащенного крови садомазохизма не в игровом смысле, а в самом настоящем! Но и не надо было, я зло-радно провожала бегущих глазами, и несла лишь Ветру свою воплями унижения и боли разбу-женную Похоть. Он дал мне такое, что никто и нигде больше, наверное, не смог бы дать потом. Да, наверное, где-нибудь там, не знаю где, но в доступности ко мне – лишь Ветер. Он знал, что делает, он понимал меня очень тонко. И сейчас даёт такое, что лишь кажется кошмаром, на самом деле лаская бешеную душу, играя по её правилам.

Да, началось всё с того, что я осталась радостная, непонимающая чего хочу, заваленная туманными представлениями что и как мне нужно, у Ветра ночевать, наконец.

Сначала он трахал Ленку, просто и без изысков. На столе, она обнимала его ногами, и сто-нала, запрокидываясь. Ну, довольно мило, ничего не скажешь, но я жадно ждала продолжения на мне. Он предложил лишь полизать Ленку, а он посмотрит. Я лениво отказалась – чисто из желания получить скорее своё. Я видела себя на месте Ленки, но он подошёл, несколько гру-бовато меня раздел. Ни о чём не спрашивая. Он оказался вообще молчаливый садист. Странно было поначалу... так вот, встав на колени передо мной, он вылизал меня, и когда я основа-тельно потекла, и ждала нормального секса, *он вдруг меня отставил, принёс инсур и связал мне руки за спиной, так неожиданно и грубо, что я и понять не успела, а что собственно происходит.*

– Ты плохая девочка, Дика! Очень плохая! Как тебе не стыдно подглядывать, и не участвовать? Как ты, аристократка, такая невоспитанная и не-развратная? Тебя надо воспитать!

– Тебе пора уже знать, кто ты есть... ты ведь маленькая моя сучка. Знаешь, нет? Сейчас узнаешь!

– Я не хочу!!!

– Врёшь!!! Не ври мне!! – удар. – Не ври себе, солнышко!! Дрянное создание, солнышко...

– Мне больно.... Отпусти, мне слишком больно!!

– Вот и хорошо, – губы кривятся, из-под ресниц лёд, и... о, боже – слеза!! Плачущий гад, урод, мне больно, больно!!

– Тебе так надо, поверь мне. Тебе так надо... – А так?

– О, нет!!! Отпусти меня... ну, пожалуйста... не надо, Ветер... по-жа-луйста...

– Да, еще!! Плачь!! Плачь... су-ка... ах, как мне больно за тебя! Еще... боль-но...

И я забыла про свое мучение, распахнув глаза шире некуда – он плачет за меня, причиняя мне боль...

А наутро:

– Ну, как ты, зайчик мой?

Блядь, какой заботливый гандон!!

– Какого хера тебе ещё надо? Ты мразь, урод, извращенец!!! Отвали от меня!!! У меня все болит!! Я тебя презираю!

Я бы харкнула в это сочувственное личико! Ненависть и чувство изломанности, гнусно-сти произошедшего меня убивало.... Но не могла... *я лю-би-ла...* и кажется, *не всё было таким уж ужасным...* НЕТ!!! Всё было просто мерзко... мерзко...

– Дик, хочешь чё-нибудь? – в дверях возникла эта... Эта!!

– Че-го?? Пошла на хрен, сука, грёбаная блядь, гнусная шалава!! Да чтоб вы подошли! Извращенцы, убожества!! – и заливаясь слепыми слезами, выскочила на улицу, забыв «косую». О, господи, кто же я теперь? *Как же я... теперь?* Какая грязь... какая.....

Оказалось, забытая косуха стала поводом навестить меня через пару дней. И я позорно сделала вид, что ничего и не было. Но боль и недоумение, желание понять, что же со мной *теперь*, выдали с головой. Он сел, и начал объяснять. Я теперь – Я и есть. Конец.

Трахаться не стали. А я ведь уже хотела... так робко хотела продолжения... нет, на продолжение меня бы физически не хватило. Болело всё... хотело всё!

Я намекнула, стыдясь до полуобморока, но доверяя ему всё снова сделать самому. Но он... отказал!

– Когда сама будешь готова к ответственности, сама предложишь что-нибудь *свое*, станешь за себя отвечать – а я тебе больше не учитель! Бери сама.

И ушёл. Гандон!! Я снова разрыдалась в подушку, а мама спросила кто это был, такой приличный и тихий? Тихий?! Это мама, мой новый любовник, скотина и урод, Ветер.

Я моментально увлеклась *таким* Ветром не на шутку. Революция сознания не давала о себе забыть странными, пугающе-восхитительными снами, совсем иного качества, нежели раньше. После них я просыпалась вся мокрая и возбужденная, в сладком и немом ужасе – как же мне такое снится, что с моим сознанием? Но сны эти скорее реальнее чем сама реальность, ведь в жизни я навряд ли решилась бы на такое – а во сне поразительно смелая, безграничная я вытворяла на пару с Ветром... где его шизофрения – скорее помощник выкрутасам, нежели помеха, и можно идти куда угодно, и он не *боится*, и я радостна! Свободны от самих себя, оба. Беспредельно!

Мы с ним сидим в понтовом ресторане, с какими-то мажорными очкариками. Они чё-то трещат, а у Ветерка глазки так нехорошо загораются, он шепчет мне на ушко: «А давай ты в бутылку пописаешь, а я буду пить за столом вместо шампанского!» Я радостно киваю, тихонько. Мы уходим, я так и делаю. Вернувшись, с умными рожами наливаем в чашки (именно чашки, а не фужеры!) себе, и пьем. Чуваки чувят неладное, но не въезжают.

Проснулась в смятении и восторге, и думала, отдышавшись – повторить в жизни? Пожалуй. Достаточно безумно и аморально!

«Всё когда-то бывает первый раз...» На меня эти слова действуют магнетически! Первый раз все когда-то.. что-то совершенно новое! Небывалое! Первый раз... пусть страшно, пусть хоть как... я жду чего угодно, только бы жизнь двигалась! Я буду очень-очень рада умереть, потому что это первый раз...»

Не умею ругаться, увы

Всегда завидовала тем, кто умеет. Мама предложила за обедом поработать у них с папой на фирме. Хватит, типа, мотаться где ни попадя, да и нехорошо в таком возрасте сидеть на шее... не, у меня, конечно, есть всякие проценты и накопления, но ведь раз я шарахаюсь, и не занята ничем, кроме универа, а его мне мало и я успеваю разлагаться – значит, надо себя занять чем-то, не танцами и фитнесом, так работой – это ж лучше всего, по её словам. А мне нафиг надо... не хочу.

Скандала не вышло – утикала на улицу.

Нарыла газетёнку в чужом подъезде, пьяная в кюветку. Открыла ящик первый попавшийся, пошарила – а вот и объява, про работу, требуется... тыр-пыр и всякое такое. Ну ладно!

В офисе накурено, молодёжь самого банально-модного вида ржёт и переговаривается в очереди. Ну и занесло!!

– А тебя как зовут? – и зырит, придурок тупыми глазами. Мне чё, тоже типа так зырить, чтоб работать?

– Охуендра!

Странно, но меня приняли! Пришлось остаться работать. Но прошло лишь два часа, как мне в один момент всё глубочайше остопиздело здесь, в этом дурацком магазине!

Вышла и пошла прочь. Сняв сандалетки, несла их зацепив пальцами за ремешки... Пищит телефон – СМС. От Ветра... «U menya v karmane krysa, ya nabёл eyo v lesu, ona mokraya i lysaya, ya domoy её nesu!;)))» Я беспомощно всхлипнув, прижала ладонь ко рту, и заревела, как бедное дитя... трясясь, набрала его номер, прижала к уху, в надежде на что-то сама не знаю что, но он так долго не брал трубку... а когда взял, я не смогла ничего сказать, только задыхалась... боже, боже...

Позвонили с работы – «вы где, Ивана??»

– Да щас, иду я, иду. Ну что вы, я уже близко! – уходя босиком всё дальше и дальше...

...Он перезвонил вечером, спросил как дела. Я снова заплакала. Чувствуя что невыносимо люблю его уже! За что?? За садизм, за сексуальное надругательство?? Господи... я всхлипывала в трубку, вытирая мокрый нос, и говорила торопливо, что всё нормально. Он рассказал какой-то анекдот, я даже не восприняла, но истерически смеялась минут пять, не в состоянии успокоиться – он мне звонит!

– Когда встретимся, кошечка?

– А... – у меня совсем пропал дар речи, я судорожно сглотнула, вдохнула поглубже. – Завтра! Прямо завтра!!

– Хорошо, только вечером... давай, поиграем! – маленькая пауза – наверное, ждёт реакции, я молчу. – Согласна?

– Ветер... ну, если... как в прошлый раз...

– Нет, дружочек, по-другому!

«Дружочек»! Боже, где он и слов-то таких понабрался? Да, да, согласна!

– Я просто... ну, не смогу пока, физически...

– Нет же, я сказал уже, не так! Больно не будет, киса! – кажется, усмехнулся, так и повеяло превосходством негодяя!

– Только ты подготовься немножко, окей?

– А что надо? – я уже вся дрожала в ожидании, чувствуя себя законченной идиоткой и извращенкой. Про Ленку я в тот момент совершенно забыла.

– Да ничего особенного!

Следующим вечером я сидела на лавочке утопающего в сумерках парка, в ожидании... Подготовилась я основательно, всё как он просил – коротенькая юбочка, чулки, крошечные трусики-слипы, модная узенькая блузочка-рубашка на пуговичках («Ну, знаешь, из тех, которую не жалко!» – значит, рвать будет?..), в полурасстегнутом вороте которой нагло виднеется розовый лифчик, короткий пиджачок, сексапильные туфельки с пряжками на десятисантиметровых каблуках. Вызывающий макияж, гламурные бусики, стильно растрёпанные волосы, и огромные серьги-кольца завершали «образ сексапильной дурочки, вышедшей поискать вечером приключений на хорошенькую попку!» – в соответствии словам Ветра.

Я боялась, что кто-нибудь прикопается, пока я буду так сидеть в одиночестве, и если даже Ветер прогонит пристававшего, то это уже испортит нужную картинку, придётся все заново начинать... то есть, уже не будет нужной полноты картины. Но, слава богу, всё сложилось идеально! Минут через пять мучительного ожидания, на соседнюю скамейку присел он – жутко сексуальный в своей неприметной одежде и с собранными волосами. Оценивающе посмотрел на меня, и стал делать вид, что вроде как не смотрит, а сам глаз не сводил исподволь. Я, согласно сценарию, нервно поёживаясь под его взглядом, быстро выкурила сигарету, и пошла прочь, временами неуверенно оглядываясь. Он шёл за мной... я специально углублялась в темноту пустого парка, то переходя на торопливый шаг, то сбиваясь, приостанавливаясь. Стучали каблучки... Он начал приближаться... я, «паникуя», завернула в тёмный подъезд, типа думая спрятаться, встала и замерла там за дверью. Он впрыгнул вслед за мной, осмотрелся. Мимо проползли какие-то придурки, вяло поинтересовались, чего ему здесь надо? Он ответил, что пришёл за девушкой. Те полезли непременно узнать, что за девушка и всё такое. Как же они меня взбесили! Валили бы прочь, не мешали развлекаться! Ну, в итоге те ушли, а Ветер пошарил в темноте, ища меня. Я намеренно нервно дышала, чем «случайно» обнаружила себя. Шаг вперёд, и он схватил меня за горло, и в следующий миг я ощутила устрещающе-холодное прикосновение лезвия к щеке. Я слабо вскрикнула – мне стало реально страшно!

– Тише, сучка, тише! – прошептал он на ухо, и лизнул висок. Я моментально жутко возбудилась от его сладкого дыхания, от его пугающе-сексуального прикосновения опасного животного. Я уже мечтала, чтоб он трахнул меня прямо сейчас!!

– Не надо, пожалуйста... – слабо прошептала я.

– Не надо что? – издевательски спросил он. – А ничего и не будет, если ты не будешь кричать! – лезвие прижалось плотнее, уже почти больно. Я быстро и коротко, чтоб не порезаться, закивала головой.

– Вот и хорошо! – прошептал он прямо на ухо. Он с ума меня сводил!

– Будешь хорошей девочкой, расстанемся мирно! Нет – ну, ты поняла? Тебя найдут утром, с перерезанным горлышком!

Я снова закивала:

– Всё, что хотите, только не убивайте меня, умоляю!

– О, хорошая маленькая сучка! – он просунул свободную руку мне в трусики, я дернулась, отчего лезвие оставило царапину.

– Аккуратнее, сучка, это тебе не игрушка! – провёл он лезвием перед моими глазами. Я старательно расширила их «от ужаса». – Давай-ка, приласкай его! – и достал «его» из джинсов. Я неуверенно взяла его в ладонь, косясь на лезвие, которое он плавным движением опустил к животу. Я очень старалась, лаская его, «маньяк» шумно вздыхал, всё время глядя мне в лицо. Я увлеклась процессом, на время даже забыв об опасности – так он был хорош и послушен моим дрожащим от возбуждения пальцам.

– Ну вот, тебе же тоже нравится! – прошептал он мне на ухо, и повёл ножом выше, лаская пуговички рубашки... и вдруг начал срезать их одну за другой! Я замерла.

– Нет-нет, продолжай, не бойся! – велел он. – Ты хорошо пахнешь, сучка! – и принялся лизать мне лицо, шею, и уши, отчего я вся крючилась, будто мне и противно, и невыносимо сладко. Еще одно лёгкое движение ножа – и лифчик разошёлся, обнажив грудь. Он свободной рукой коснулся сосков, и судорожно вздрогнув, велел:

– Прекрати, всё! – я подумала было, почти разочарованно, что он сейчас кончит, и адью... конец приключению – ведь изнасилование – это быстро и эффективно! Но нет, он потрогал мои горячие груди, и – о, наконец-то!! – перешёл к решительным действиям: задрал мне юбку, сдергивая трусики, но я слегка запуталась в них, и он грубо подтолкнув, велел помогать ему. Я в момент освободилась от них, и подалась к нему – он развел мне бедра, и вошёл грубо, горячо, и невыносимо хорошо! Следующую вечность я провела в чудовищно непереносимом наслаждении болью. Он просто разрывал меня изнутри! Шепча какие-то гадости и оскорбления, на что я только задушено стонала:

– Да, да! Ещё... – обнимая его за шею, чтоб не упасть.

К тому же, в запале, он немного порезал мне шею, у которой всё ещё держал нож... кончив, мы оба заметили это, и он ещё не выйдя из меня, жадно облизал кровь, отчего я едва не кончила ещё раз!

– Моя хорошая, маленькая сучка... – прошептал он. – Ну, вот и всё! Нам ведь было хорошо вместе? Да? – сказал он, застегивая джинсы, и убирая нож.

Я ничего не ответила, расслабленная «жертва насилия». Потом медленно и раздвигая начала собирать свои тряпочки. Он неожиданно поцеловал меня – очень хотелось ответить, но пришлось изображать поцелуй насильственный, не размыкая губ.

– Чао, крошка! – бросил он, и исчез в темноте. Я успела испугаться, что вдруг он так меня и оставит здесь, ведь я же ничего ещё о нем не знаю? Но в следующий миг он уже снова вошёл, улыбаясь – я видела всё отлично, глаза совершенно освоились в темноте. Это был прежний, нормальный Ветер... он поцеловал меня по-настоящему, и я вся прижалась к нему, уткнувшись в шею. «Я люблю тебя, люблю!» – кричало всё моё существо, но я пока не решилась сказать это вслух. Ведь вдруг с его стороны это всё – простая ебля... хотя, конечно, совсем не простая, в этом всё и дело! Как с ним... невероятно!

– Ну, как ты? – спросил он, отстраняясь.

– Это и есть садомазохизм? – спросила я, очень серьезно, заглядывая ему в глаза снизу вверх.

– Да, это он, – усмехнулся Ветер, доставая из заплечного бэга какую-то тряпку: – Оденься, крошка, и пойдём отсюда!

Я кивнула, разворачивая предложенное – оказался его балахон, позаботился взамен разрезанной блузки, «той, что не жалко»! Дрожа от ночного холода и пережитого потрясения, оделась. И мы пошли прочь, к нему домой ночевать. Где напились, отходя – ему-то ничего, нормально, а я выжата и потрясена! Он был весел и доволен, много болтал, и смеялся, как девчонка, рассказывая какую-то чушь. Вконец захмелев, мы уснули вместе. Как хорошо с ним, боже...

Тогда же он подарил мне мою Жанну Моуле. От неё он и понабрался всех этих удивительных «дружочек» и «душа моя». Восхитительная Жанна, вместе с ее крутым мужем ТорКом – музыкальный проект «StЁкла», панк-экспериментальный. Писательница и певица, удивительная, божественная Жанна... Книга называлась «Моя анархия», автобиографического толка – главных героев, олдovou парочку панков, звали Жас и Крот, то есть ТорК наоборот! Чувства их остывают на глазах, как пельмени в холодильнике, и они не знают, что и делать с этим, и любят друг друга, и не видят никаких перспектив в отношениях. Уже всё перепро-

бовали в сексе, и в извращениях, и в эмоциях. И вот, она пришла домой пьяная, они холодно поругались, даже без ругани как таковой, и в отчаянии одиночества, легли спать, сами не зная, что другой испытывает то же самое... заснули, а проснулись в овраге, где ночевать любили, молоденькой парочкой придурков, как были раньше – по двадцать лет снова. Но они не знают, что это «снова», то есть им-то кажется, что это реальный момент юности и есть! Настороженно выбирают на свет, удивленные странной тишиной, а там... нет никого. Мёртво. Машины не бегают, людей нет. Никого нет. Пошли на разведку – пусто везде, даже в магазинах. Пошарили-пошарили – точно пустота! Жас осторожно предполагает – а может, наша мечта осуществилась, и все умерли? А Крот – как так, а где трупы? А она – ну мы же хотели, чтоб все исчезли и всё... вот и исчезли... не знают, радоваться или что, и может это ещё глюк, и нет ничего? А как проверишь? Никак – в глюке всё может быть! Обнаглев, разбили стекло в магазине, и поели-побухали. Потом обнаружили, что дверь открыта... приколы! Напились, и давай хохотать! Потом они таскались по всему свету – стащили мотоцикл, но ездить не умеют, научились на ходу. Катались везде, курили и пили, нашли даже травы. Нет никого и нигде – даже животных! А лето кончается, и сезон дождей вот-вот... и страшно... а Жас плачет временами – может, зря мы это пожелали? Страшно... иногда случаются истерики то у одного, то у другого. Напиваются и курят траву. Начинают мечтать сдохнуть скорее. Но не могут – жить хочется и надежда на пробуждение ещё есть... дальше-больше, устраивают страшный дестрой. Заходят в клубы и на студии, там орут-поют, бесятся на клёвых площадках, но разве надо это когда некому на них смотреть? Развращаются, стащив всякие плетки из секс-шопа. А потом, когда уже дошли до предела, и решили уснуть и не проснуться, попрощались даже друг с другом, легли на сырую, холодную землю, в поле, не доехав до очередного города, обнялись. И... проснулись в своей супружеской постели. Разрыдавшись оба, схватили друг друга в объятия, и стирая слезы с любимого лица, тихо повторяли – сон! И решили – какая туфта их проблема, нет никакой проблемы – есть лишь ЛЮБОВЬ!

У меня мороз по коже от этой книги... Я проглотила её в один глоток.

В конце стоял адрес: www.she-mole.org

Залезла туда, оставила самые дикие восторги о книге, выписала библиографию Жанны, решив непременно найти всё, что есть, и прочитать! В разделе дневников оставила некоторые свои опусы. Жанна приписала свои комментарии, очень хвалила, говорила, что проникновенно пишу, и стоит заняться литературой плотнее! Вот это да!!

Потом оказалось, Ветер с Жанной общался некоторое время лично, по мылу. Ещё до дурки, в семнадцать лет. Вот это ни хрена себе!

Как-то мы ночевали у Ленки все вместе, бухущие до чёрта, особенно я. Завалилась спать никакая, а они полезли в инет, на сайт Моуле. И написали в гостевой:

«А мы тут бухаем, а Иванка спит, собираемся ее отпиздить».

На следующий день Жанна ответила:

«Не надо про бухло... мы тут на румынской таможне чуть не умерли... Иванку – только любить и носить на руках!»

Во как!! Было дико приятно! *Любить и носить на руках!* Понял, Ветер??

Меня распирало счастье...

Я написала снова, Жанна одобрила и это, прислала мэссидж лично мне (!), ещё и извинилась, что не ответила сразу. Попросила рассказать о себе, ей такие люди как я, с перевернутым взглядом на мир, как писателю очень интересны. Я переволновалась, всё думала, а что же писать? Потом села вздохнула поглубже, поставила перед собой стакан ямайского рома с колой, и начала, как бог (или кто там) на душу положит.

«Панк со стажем в шесть лет, это откровенное панкование, а так, думаю, что всегда было, где-то внутри. Потом надоело обманывать всех, и саму себя в первую очередь, прикидываясь милой девочкой. Да я и не была ей, всегда трабл родителям доставляла. Но муча-

лась от этого, как мол, можно, так ведь нельзя, и так тоже. А сама от зависти подыхала к неферам, тоже очень хотелось сидеть на асфальте и ночевать на кладбище...

Самое захлёбное счастье – алкоголизм пережила в четырнадцать – пятнадцать лет. Вообще так пила лет с тринадцати до пятнадцати (в смысле, просто бухала) как никогда больше в жизни. Надеюсь, и не придётся. Хотя, наверное, больше и не смогу – в том время, видимо, и оставила основное здоровье, необходимое для таких подвигов. Ну, вот с тех пор нажитые навыки и не теряю, и пью довольно много. А впрочем, наверняка, это всё и читать-то противно, да собственно, и не имеет решающего значения.

Ещё – я извращенка. Садомазохистка. Таковой меня сделал (или же просто разбудил, что скорее) мой любовник Ветер. Он сумасшедший, шизофреник. Дважды отвалился в дурдоме. Первый раз еще в детстве. Не знаю, если это тоже важно. Или интересно, я могу потом рассказать подробнее. А то если нет, то зачем же время отнимать?

А ещё в детстве мне так стеснительно и отвратительно было моё имя! Наверняка, это проблема многих! Вот представьте, что вас зовут Ивана... все Наташи, Маши и Айгули – а вы Ивана! Писец... ужас! Для Польши папиной обожаемой нет ничего проще, чем Иоанна, или даже Джоанна, но для России... еще спасибо, что не додумался назвать Иоанной – еще хуже! Че-то уж совсем! Я и ревела даже, сначала втихую, стесняясь высказывать предкам свои болезненные переживания по этому поводу – они-то ведь считали, что очень даже молодцы, соблюли уважение к родной папиной нации. А мне-то жить! Я как узнала, что можно имя поменять, сразу возгорелась! Надо мной и в садике, и в школе все ржали – Ваня, Ваня простота! И докажи им, что не Ваня, а Ива или Яна!! Козлы. Дети и без всякого повода найдут за что заложить, а уж если им повод какой померещится! Пиши – пропало. Я и пропала. Все ревела по углам... а мама – забей, ну их нах, они ничё не понимают! А я реву, и думаю – чё не понимают? Это вы ничё не понимаете! Потом, когда подросла до подростка, и почуяла некое подобие права голоса в семье, то высказала немедля вслух всю эту претензию – нах было меня так тупо называть, да вы чё, издевались?? Как можно было взять на руки такое маленькое, беззащитное человеческое – да мало того, родное! – дитя, и так обозвать!! Ну и ваще!! Они растерялись, давай мямлить, что это же гордость, это же необычно. И вот писатель Иоанна Хмелевска, и бабуся мою звали Иоанна... ага, – говорю, – вот теперь пойдите и по телеку объявите, что это так и надо, что семейная-национальная гордость, а не Ваня-Ваня простота! А я ведь девочка, нах мне такое имечко, куда я с ним??

Ну, поругались—поганзили, никто никому ничего не доказал, и я успокоилась. Переделывать имя – лень, и беспонтовый труд. И я осталась Ивановой Александровной Вишиневецкой, польской аристократкой на русской земле, где каждый твердо впитал по сказкам Ивана-дурака, а еще лучше Ваню-простоту. А потом и вовсе стало пох-нах. И так хорошо. После проняла всю возвышенную красоту имени Ивана!! – и одно лишь бесит – Ваня, из уст Где-тыгдеты, суки эдакой...

Ветру ведь тоже досталось отличное имя Гавриил. Та же самая беспонтовая гордость, и по иронии судьбы – тоже польского аристократа! Мать их эти... какие все блюстители традиций! Ивана и Гавриил... озуеть. Хотя его никогда это не напрягало и не смущало. Ему параллельно, что кто думает о его имени. Ему его имя нравится. Ладно, и мне моё тоже. Хорошо, что проехали

В Польшу я была раз сто пятьдесят, конечно. А как же? О, соляной замок с драконами – такого нет больше нигде!!! Пусть говорят, что это скелет мамонта, я не верю – это кости дракона на воротах! Там и воздух особенный. Польша прекрасна. Сердце её бьется живо, я обожаю ходить то медленно то быстро, подстраиваясь под ритм местечка, где нахожусь сейчас. Одного какого-то города нет, они все разные, и все... не знаю, что хотела сказать, накрыли чувства... У меня там и бабушки двоюродные, и братья, и прочее родственное отродье. И по-польски я говорю приличненько, хоть мне это и не особо важно на рус-

ской земле. Вернее на бакирской – дублирование всех-превсех надписей и публичных сообщений на два языка не дают забыть, где живём. Иногда мы трежим с папой по-польски, чтоб не засыхало. А и разница-то небольшая, очень родственные языки, братские. Но последний раз я была на родине предков лет в пятнадцать, потому что маме с папой жутко некогда. А сама я не поеду же! Хотя, почему нет... часто забываю, что уже не маленькая:)) Бизнес отбирает у них всю жизнь. Для меня стараются, чтоб я ни в чем и никогда не нуждалась! А мне уже и так накоплений хватит на всю жизнь, даже если я начну покупать замки и острова! Я пыталась поговорить с ними, зачем это вообще? Куда им столько? Неужели уже нельзя успокоиться? Им же тратить их некогда, эти бабки! Но они мне втёрли доступно, что должен же человек реализовываться, и если им оставить бизнес, уйти сейчас на покой – то что же делать-то? Вот и нифига себе, самореализация! Чтож, люди заняты любимом делом, сколачиванием бабок! В добрый путь, товарищи! «Штиэньливей подружы, пиый-ячеле!» Лишь бы меня не трогали со своей моралью. У меня своей столько, что некуда девать!»

Потом я поведала про Ленку поподробнее, пытаюсь понять сама же по ходу повествования, отчего да почему Ветер с ней, а не со мной. «Пся крив, сука!» – писала я.

В общем, получилось довольно сбивчиво и непоследовательно. Но Жанна сама просила строить письмо естественнее, как попрёт, ей, мол интересен живой поток, а не грамотность речи.

Богине понравилось, она спросила разрешения разместить эту писанину на сайте, в разделе «About Myself-ики». Я согласилась, конечно – да пусть читают. Мне не жалко! Ни себя ни их.

Встала перед зеркалом, изогнулась, на попу свою смотрю – а на ней у меня бабочка с прорисованной по контуру тигриной рожей. Прикольная очень. Типа, я киса такая, и летящая, как бабочка. Символ женственный и страстный, как мне объяснил мастер, трогая за попу чуть больше, чем нужно для работы. Похвалил мою прелестную задницу, набивал долго и упорно – два сеанса ушло, я еле выдержала. Больно – огонь! От анестезии отказалась – надо же было себя наказывать как следует. Я набила её для Ветра, собственно говоря – а он для меня грех, и я наказания заслуживаю. Мечтала, что он будет в восторге, ему моя попа *слишком* нравится. А он посмотрел, потрогал – да, прикольно! И всё. Урод. Ладно, зато другие в восторге – не подумайте чёрти что, подружки там, или просто случайные свидетели! Я не столько развратничаю, сколько изображаю! Такой скромницы в душе, то есть *истинной скромницы*, которую так корбило бы от всякой дряни, как меня, до самых глубин, у которой душа под кожей, и значит совсем легко истинно изнасиловать – такую скромницу ещё поискать!! Думаю, я всё же, настоящий панк – ведь панк, это человек, которого добивает и сильно потрясает, корбит несовершенство мира! И это человек по-настоящему образованный и воспитанный, но сознательно сделавший выбор в пользу низости физической и болезненной душевности – отсюда и столь прочная репутация панков, как садомазохистов. То есть, панк выбрал свой путь отребья сознательно, это путь свободы, один из них. Сознательно, а не потому что другого не знает! Не зная ада, не познаешь рай. Я вот – из прекрасной семьи, аристократической и образованной, мои родки построили бизнес на личных научных разработках! Интеллигенция! Сливки общества. Так-то.

О чём я? А, про тату... ещё что-ли сделать? Наверное!

Первую свою татушку я набила в пятнадцать лет, когда увлеклась всерьёз панк-роком и прочими тяжелыми радостями. Такой маленький, едва заметный иероглиф «PND» (панк нот дэд) на шее, под тонкими волосиками, где сексуальная ямочка, чтобы мама не заметила. Купила косуху, подрубила инет для тёрков на нефер-форумах, искромсала волосы и джинсы. Тогда же страстно возмечтала про «Харлей». Ну, хотя бы «Урал». Все мы детьми были, чего уж там. А папа с мамой запретили напрочь. Разобьёшься – и точка! Гроб, мол, на колёсиках!

А хрена я так уж им стопудняк должна разбиться?? Чё за тупизм? Нет, так и не подарили. Никакие умоления и обещания не помогли. Потом уже была прекрасная возможность свои бабки накопить, и купить. Теперь хватит на что угодно, папа процент отсчитывает, и пока на самообеспечение не перейдёшь – типа там на работу к ним выйдешь, и все дела – то пожалуйста, потроши свой счёт, покупай что хочешь, взрослая уже. Но... на сегодня уже спилась, и курю так, что лёгкие скоро отвалятся. Страшно кататься! А главное – уже *поздно*. Мне это уже не надо. Отгорело. Не вернуть... По этой же причине и тачку не заимела ещё. Потому как после универа никогда не знаю, куда понесет нелегкая-удалая. А вы говорите – деньги, деньги... не в них счастье, хоть и пошлая фраза. Ветра не купишь...

Вот Гоблин пусть катает меня теперь, раз подвязался! Хороший мальчик, покладистый – хочешь трахаться – пожалуйста! Хочешь выпивки – «Поехали к тебе!» Безотказный, как шлюха с наивными щенячьими глазами.

Ах, если б я знала...

Вот, катаемся значит, с Гоблином. Вечер уже, довольно поздний, я подмерзаю, к нему, тёплому дураку, жмусь. Бли-нн, надо было по-любасу джинсы натянуть, хоть и грязные, как была в юбке – так и погнали. Похोмячили вкусных слоеных пирожков и запили пивом. Тошнит...

Ну, приехали на Пятачок – ветром занесло. Гоблином, не Ветром. Могла бы думать, подумала бы, что никого там нет! Не смешно? А я всё едино ржу.

Короче, в этот раз там сидели постоянные обитатели: пьяный Бормотун – 1 шт, Крис-и-Антихрист – 1 шт, тож пьяный. Маша-Король с какой-то пьяной мужицкой мордой, Зоська (она-то здесь откуда?) и какие-то пацаны – 2 шт. Выпала я из тусовки, никого не знаю уже! Сели, принялись курить Гоблинские сигареты. Мы ржём, остальные поудивлялись и тоже развеселились. Хорошо так стало – ни Гдетыгдеты тебе, ни Ветра. Класс!!

И вдруг:

– Народ! Тсс! – поднимаю вверх пальчик: вроде байк поёт где-то недалеко, во дворах. У меня слух от дыма всегда обостряется. Зрение – другое дело, раз туман пополз, значит, приход. Но, да ладно, не о моих особенностях пяти чувств речь. Все затихли, а я тычу:

– Во! – вырывается между домом и магазинчиком байк: у всех челюсть до полу, глаза в пять копеек екатеринских: «Харлей»! Настоящий, хромированный, блестящий, сексуальный... Ва-аще! Не то, что мы тут на «Уральчике», патриоты бедные... У-у, какие у Гоблина глазки стали – козёл позавидует! Сами прикиньте. Когда все малость очухались, можно было и на седока перекинуться – тоже есть на что пообалдевать, само достоинство и простота, так ловко замешанные в одном байкере! Он поздоровался и с каким-то непонятным интересом уставился на меня: оглядел обстоятельно, деловито – не как женщину, а как некий говорящий предмет, пока все его байк щупали и охали. Хотя он больно-то не позволял, бросая свысока:

– Но-но! Не бескультурствуйте!

А мне просто кивнул, глядя странноватыми тёмными глазами прямо в глаза:

– Шут!

– Дика! – а руки не подал, и я убрала протянутую было ладонь. А ресницы-то у мальчика шика-рные! Над такими дивными и пугающими глазами...

– Дикая! – положил мне лапу на плечо Гоблин. Меня это укусило – смотри-ка, хозяин, блядь! Только я всмотрелась что не так с парнем, а он... с меня эти глазюки большие, холодные все веселье согнали. Наркоман что ли? Героиновый видно, тени на веках, волосы длинные как прутья, ирокез выбрит, а кожа пересохшая, какая-то серая. Белки глаз желтоватые, а зрачки широкие—широкие, и не поймешь, какого цвета. Губы сильно шелушатся – а катаешься без шлема, мальчик! Гоблин, конечно, давай с ним чё-то забодяживать о своём железном. Шут охотно отвечает. Потом смотрю, уже не знает как отклепаться от него. Просто в игнор, встал в полный рост, и перекрывая общие вялые базары, ни на кого не глядя всё так же пусто, объявил:

– Народ! Завтра в девять в «Экваторе» концерт наш, новая группа «Дети Смерти», так всех вас ждем! Вход бесплатный! Будет круто, халявное пиво, замогильный угар и вонь разложения, в том числе и морального, обещаем стопудово!

– Чё такое, чё играете? А кто? – народ малость оживился.

– Колбасим железный индастриал, я на ритме, Патрон Дурь – ну, *вы наверняка не знаете!* – с эдаким пафосом, тьфу! – Поёт, то бишь воет, и бас мучает, барабила Кайф и две девушки, – тут он сделал многозначительную паузу, – оч-чень красивые девушки – Айрин – соло, и Джойс – скрипочка.

– А Патрон... как? – подал голос Бормотун.

– Патрон Дурь, или Дурь Патрон.

– Да, вон он – кто? Чё-то не слышал вроде...

– Дурь – Хозяин наш, – ответил Шут, и глаза его блеснули синими белками: – Старый-старый панк, ты знать не можешь, он давно-о в глубоко-оком андеграунде тусуется. Ваше мутит щас интересную фишку втихаря, повезёт – ещё узнаете! – и зачем-то опять устался на меня. А ночь сгущается, и так мне нехорошо от этих блестящих лихорадочных глаз... поспешно отвернулась – б-рр! – и наткнулась взглядом на Король. Она страшно побледнела, скорчилась, будто ей желудок свело, и смотрит в одну точку расширенными глазами куда-то в землю.

– Ну ладно, народ, всех жду в Экваторе, раздача пива начинается в восемь. Приходите, особенно вы, девушка!

Я чуть не подпрыгнула, когда он мне руку на плечо положил и наклонился лицом к лицу. Ужас, страшный какой вот так вблизи, стопудово наколотый!

– Вас я за кулисы проведу, только в семь на входе будьте!

Я зачем-то тупо кивнула – мама-бля! Да, конечно, тока вали скорее отсюда!

Он завёл мотор, я глубоко вздохнула, отходя от впечатлений, повернулась к Король – спросить, чего с ней, желудок? Сердце? Глядь, а её там нет, она уже возле Шута, за рукав его схватила, шепчет что-то, смотрит умоляюще, дёргается. Будто сейчас описается! Прокатиться, видно хочет.

– Слышь, а это не те Король и Шут, а? – кутая меня со спины в свою теплую, вонючую бензином косяху сказал прямо в ухо Гоблин. Я сморщилась, потрогала задетое в обострении ушко:

– Не знаю. Первый раз слышу.

– Такая парочка была, довольно известная, тока я смотрю – вроде она! А он – не он, колетса чтоль? У неё ирокез был рыжий, а щас чёрная! А Шут че-то пару лет назад кажись, пропал куда-то летом, полгода обсуждали всей тусовкой, еле успокоились. Фиг знает, я на рожу-то его не помню, надо спросить у кого-нибудь!

– Нахер надо! – взбесилась я, тоже мне, интересно! – Мне пох, поехали давай!

Странно, но он не разозлился, а лишь немного понурившись, кивнул, и полез на байк. Шут совершенно плоско покивав на Машины умоления, скрылся. Она же бросив нам сухое:

– Пока! – пошла на остановку, звоня кому-то по мобиле. Этот пьяный чувила, что с ней сидел, ваще никак не прореагировал.

Да пес с ними, а мы поехали дальше. Гандон какой-то, всё настроение загубил! Или просто кумар слетел, но Шут этот – всё равно гандон! «Я вас проведу, бе-бе, ля-ля» – а мне это надо? Ещё с наркотищем связываться! Чё они там могут играть? Откуда вообще в Уфе индастриал?! Чё-то я афиш не видела, может и не будет ничего. И потом – ну не туфта – вход бесплатный! В «Экваторе», где мы на «Тараканах» по сто двадцатке за поллитра пива откидывали? Да пошёл он, глюконат на колесах! Везёт же уродам – такой Харлей! Эх... но с ним я бы и на Харлее прокатиться не согласилась, всего можно ожидать от такой рожи, причём непременно из гадостной области! Нет уж!

И вот, я стою в назначенное время, минута в минуту у «Экватора». Зачем? Хрен знает... сама никак не пойму! Что это со мной? Не собиралась категорически, а просто встала вдруг на лекции. Не знаю, и как в универе оказалась... и зачем попросила нового бой-френда меня домой вечером отвезти. Медовый месяц вдруг сдох сам собой. Гоблин слегка огорчился – пригнулся на моих теплых сиськах. С универа поехала домой, как сомнамбула, душ приняла тщательный, приделась не глядя в зеркало в готический прикид – малоносимое, неудобное, но дико сексуальное настоящее средневековое платье (в Варшаве у пьяного по случаю родственной тусовки папы выпросила): шнуровка на талии, грудь открыта до самого неприличия, длинны такой, что пол метёт, рукава клешёные – красота!! Но красота пугающая, непанков-

ская совсем, жаль будет такую суперскую вещь, если что! И осанку надо держать и за походкой следить. Ужас, короче! Я же панк-леди, а не херка какая-то. Под ним чулки и шортики – а чё вы хотите, холодрыга! Порывалась поверх этого великолепия натянуть старый добрый «косарь», но чё-то глюкнуло, и я достала ни разу не надеванную оригинальнейшую курточку из магазина необычных вещей в Лондоне – на замочках и шнуровочках, с капюшоном и меховой отделкой... ну, блин, вы сейчас скажете – вот ты баба, распалилась! А что делать, хочу, чтобы женская половина читающей эту муть братии заценила мой модный лук по-полной! Да и мужики, для кого рядимся-то?! А?!

Ладно, отвлекаюсь. Так вот, волосы собрала, лицо запудрила. Чёрный цветок в волосы воткнула. Губы в тон куртке, тёмно-ягодные. Ногти наклеила того же цвета. И этакая декадентка-истеричка поехала на такси, дабы не опоздать. Ужас! И вот стою, тупо нервничаю, сама себя в упор не понимаю, скурила полпачки безвкусных «Вог». Выходит этот Шут, даже вышныривает как-то, по-крысы. Я оцепенела – весь чёрный, драный, но это ладно. Ледяной – страшно стало, аж ноги подкосились, бежать захотелось неведомо куда, отсюда подальше! Но он опередил, подошёл. И прямо в лицо заглянув, под локоток взял, чуть не обнюхал, блин!

– А-а, пришла-таки!

Я почувствовала от него противный такой запах, травы-не травы, и чего-то искусственного. Само по себе ничего вроде, но в сочетании друг с другом гадостный эффект! Поволок меня, полузапуганную мимо охраны. Вошли в небольшое плохо освещённое помещение, где распахан по углам всякий хлам, плохо видно, что именно. Пара стульев, диван, со сползающим цветным одеялом – я усмехнулась невольно – вот уж точно на нём перебивало девчонок и алкашей всех мастей. Стопудово, что он изрядно заблёван и продавлен!

– Раздевайся, садись! – кивнул на него Шут, я механически подчинилась, озираясь – заметила ещё странные, аляпистые картинки по стенам, лифчик «вандер-бра» чёрный на гвоздике у двери, пустые бутылки под стульями, садистскую плёточку у зеркала-трюмо... ох, зачем я пришла?

– Наши все на саунд-чеке, щас придут – веселее будет.

– А ты чего? – пискнула я.

– А я тебя, милашка, встречать вышел! – и нехорошо так ухмыльнулся. А может, они тут оргии мутят, с убиванием сторонней жертвы?.. Как бы расслабиться?

– Глотнёшь? – будто догадался, протягивает «Хеннеси», отличный коньячок! Попсовый, но мне нравится его нежная ненавязчивость, особая мягкость. Я автоматически взяла, задев вскользь его ледяные пальцы – меня всю передёрнуло! Станный, страшный и холодный – он всё же нарк! Как бы меня здесь не накололи чем-нибудь из того, что одной дозы хватает для полной потери воли на всю жизнь! Зашумели шаги, послышалась ржачка и глухое бреньканье неподключенной басухи – идут. Я замерла в напряженье. Шут сел на пол, заметила я краем глаза. Ввалились четверо – две девицы и два парня. На длинном чуваке в балахоне вроде сутаны, борода клинышком и две рваные косы по плечам – висела рыжая девица. Другая, черноволосая несколько коряво протопала на каблуках сразу к зеркалу. Последним был чувила в гуглах и ничего особенного. Девица, та, что с «падре» лишь мазнула вскользь по мне взглядом и перешагнув через вытянутые ноги Шута полезла шариться в угол, ругаясь по-английски высоким, «упругим» голосом. Я позавидовала её темно-медным, очень длинным, до попы волосам.

– Патрон, это вот Дикая Дика! Сегодняшняя наша гостя, – и Шут многозначительно подмигнул мне. Я сдавленно улыбнулась «падре», он сел рядом, пристально разглядывая меня. Что-то тяжелое до невыносимости неуловимо роднило его с Шутом. Я вгляделась насколько позволяли приличия, и поняла – у них глаза застывшие, не движутся, зрачки огромные, и чтобы разглядеть что-то, они не глаза, а голову наклоняют! Блин, во попала в гадюшник к героиновым! И эта неадекватность девок...

– Дика, значит так! Я – Патрон Дурь! – заговорил чувак в сутане, расплетая косички. Голос глубокий и мягкий, обволакивающий и баюкающий, но в то же время возбуждающий – вампирский, как сексуальное желание во сне. Но я бы побоялась с ним спать... Даже после Ветра. Его я уже знаю, а этот на что еще горазд?..

– Ты извини, я буду говорить и имидж наводить, а то времени не остаётся!

Я кивнула, как можно вальяжней – «да мне-то что»! Тока меня не трогайте, дайте вечер пережить!

– Да расслабься! Шут, дай-ка принцессе коньячку!

Потянувшись за предложенным, я заметила, как тёмно-медная презрительно передёрнула плечами, жирно крася губы над карманным зеркальцем. Ревнует!

– Да-да, Айрин, конечно, принцесса здесь ты, но наша гостя – *тоже не из простых!* – кивнул Дурь, будто у него что спросили, а Шут повернулся и шлёпнул ревнивицу по заднице. Та моментально развернулась и въехала с размаху отличную оплеуху. Эх, мне бы так Ветру, хоть разок! Рука у дуры не поднимается... Шут только расхохотался. Я смотрела, рот открыв и забывая отхлебнуть, на всё это: вот «Чувак в гуглах» гуглы снял, бородку пригладил и принялся палочки барабанные ножичком скоблить. Вот принцесса Медная как ни в чем ни бывало продолжила наводить штукатурку, очень густо. Вот Дурь с понтом дела золотым гребнем космы свои невероятные дерёт – оказалось, у него выбрит ирокез и сзади пряди очень длинные. Достал проволочку, начал перед другим зеркалом ставить роскошный гребень. Девица черная волосы распустила – я чуть не упала – чуть не до полу, и две длиннющие, длиннее других волос синие пряди. Ох, какие они все необычайные, роскошные, колоритные и гордые! Я весь свой болезненный скептицизм растеряла! Мне всё больше здесь не нравилось – я-то кто? Лишь Шут просто медленно покуривал, затягиваясь чудовищно глубоко, будто великий смысл видя в этом процессе, Джа с ним! И какую-то непонятную траву – дымок переливается от синева-того к болотно-зелёному.

– Джойс, солнышко мое скрипичное, подай, плиз, детка, воск для хайров! – на столь длинную речь, чёрная не оборачиваясь резко протянула банку «Тафт» Дурю. Ну, блин, я фигею всё больше! Марафет дальнейший они наводили молча и в сосредоточенной тишине. Я успела порядком поднабраться, размышляя, кто же первый из них меня сегодня трахнет – ведь не о поэзии эпохи Классицизма меня приперли рассуждать! А мне вот совсеееем не хочется... как бы отмазаться и ускользнуть?

Когда девицы достали из пыльных и тёмных углов какие-то невероятные тряпки и принялись на себя напяливать, Дурь уже что-то весело втирал мне – я даже не заметила, как он рядом сел, будто выпала в параллель, наблюдая, как девки совершенно спокойно, типа так и надо, разделись догола, натерли сухие, астеничные тела с «резиновыми» стоячими маленькими грудями, чем-то похожим на вазелин, и без белья натянули рваные чулки – одна в сеточку, другая в полосочку. Патрон достал новую бутылку коньяка непонятной марки, и уже положил сухую узкую птичью лапку мне на бедро, так запросто и ненавязчиво, как и все прочие действия – вот он первым и будет! А что, раз главный здесь. Я отхлебнула добрейший глоток неотличимого от самогона на травах пойла, передала баттл Шуту и в упор посмотрела на Дуря, столкнувшись с ним взглядом... едва о него не разбившись – глаза совершенно пустые немигающие и настолько чёрные, что зрачков нет. Ожгла резкая боль в самой середине мозга, и солнечное сплетение свело, будто в излишне туго перетянutom корсете рёбра сошлись. Закашлявшись, отвернулась – трава, чтоль, их поганая? Предпочту разглядывать девиц – благо, есть что: чёрная сплела синие косы, одела темно-голубые, сильно линялые и истрёпанные бриджики, типа средневековых штанишек, и очень крупную «рыбацкую» сетку – соски нагло и откровенно торчат сквозь неё. Медная – в корсете, тоже весьма условно прикрывающем титьки, шнуровка на животе – всё видно насквозь, и к нему рваная-перерванная, будто тлелая шелковая юбочка –

wow, тож такую хочу!! Обе очень густо наштукатурены. А худы-то, тела ну совершенно кукольные! Я себя ужано тяжелой и слишком земной почувствовала.

– Нравится, киска? – проникновенно шепнул Дурь на ушко, придвигаясь вплотную.

– Да! – на отрываясь ответила я.

– Отыграем, – тут он сделал эффектную паузу, и я в момент смекнула о чём он, – выбери себе что глянется!

Я механически кивнула – будь что будет! Правда, наряды очень клёвые – словно в могилке пролежали основательно. И девки такие... мёртвые! Не знай, что это не так – непременно испугаешься. Я вот знаю – и то как не по себе! Пью, пью, а хмель не идёт.

Музыкантши чудовищно густо набрызгались тяжёлым роскошным парфюмом, который подошёл бы стареющей благородной матроне, а уж никак не девицам лет восемнадцати. Но они, видимо, так не считали, и полились столь щедро, что в воздухе туман повис, и я снова закашлялась, доставая сигарету – перебить хоть немного. Эх, надо было крепкие «Мор» купить. Эти «Вог» совсем слабые, чего я их всё время курю?

Весёлая компания уселась кружком, Дурь отделился наконец от меня и сел к остальным на пол. Меня не звали, и я осталась на диване. А эти принялись толково, со знанием дела забивать вонючую траву, шишки какие-то чёрные. Уже голова болит, как они тут не загнутся? Ни вентиляции, ни окошка даже! Дверь закупорена. Чё за уроды вообще? Охренеть, они забили каждый по целому косяку. И курят, будто это бытовая «Прима»! Чисто мужики на завалинке. Тянут, не косят ни капли, перебрасываются пустыми фразами. И чё это такое у них? Я под села поближе, протянула руку к Дуреву косяку, чувствуя себя наполовину своей – он же меня трахнуть собирается! Почти родня на один вечер! Но он резко отдернул руку, и сухо бросил вполоборота:

– Тебе нельзя! Живые легкие сильно сушит!

– А-а, нифига себе! А сами-то курите! – захандрила нетрезвая я.

– А нам можно! – с понтом сказал Шут.

– Нужно! – захихикала Медная.

– Чего это вдруг? – не унималась я. Обидно всё же!

– Дикочка, лёгкие – хорошо – сушит! – разделяя слова, как ребёнку втолковал Дурь.

– А чё, у вас они мокрые?

– Вроде того, – согласно кивнул он. Я ждала – кто-нибудь захихикает, но все лишь сосредоточенно дотягивали свою вонь. Ну и чёрт с вами и вашей гадостью! Тока нарядик такой вот милый подарите! И трахаться может не придётся – укурятся наглухо, и слава богу! Совсем не хочется сегодня этих приключений... сбегу спокойно. Зря, зря я всё же пришла! И запив большим глотком конька, утвердилась в мысли – зря!

– Да ты не дуйся, пуся, просто живым и правда вредно!

Эта фраза, наконец, вызвала всеобщий смех – ага, пошли шишки!

А Дурь похлопал дружески меня по колену, и взялся за очередную страннейшую процедуру – достал бутылку кукурузного масла, и отпил крупный глоток. Вот урод! – потом налил в сложенную лодочкой ладонь немного, и... Вдохнул это! Ужас. Чё творится?

– Ну, ребятки, время! – кивнул он направо и налево. Ребятки зашевелились. Медная тоже хлебнула масла, и принялась пробовать голос – от низких нот до средних, слегка фальшивя. Глотнула ещё, дело пошло заметно лучше. Но высокий регистр не брала, только когда Шут схватил её сзади за талию и облапал грудь – взвизгнула, что твоя скрипка!

– Вот как можешь! – похвалил он довольный выходкой, готовый увернуться если что. Но оплеухи не последовало, девица выкрутилась и вышла за дверь.

– Айрин! – окликнул Дурь, она вернулась. Он со смачным хлопком откупорил баттл тёмного стекла, три раза хлебнул сам, облизнувшись, и пустил по кругу. Все отпивали скромненько, не больше глоточка, чуть шугано косясь на Дуря. Когда баттл снова пришёл к нему, я

подкралась желая тоже хлебнуть, он механически передал мне – я поднесла ко рту, и в лицо омерзительно пахло... кровью?

– Блядь, чё это? – не удержалась я. Ишь, вампиры, твою мать, хреновы!

– Э-эй, куда? Это тоже не для гостей, пей свой коньяк, девочка! – унизительно прикрикнул этот долбаный патрон, грубо вырывая баттл из моих ручек. Я растерянно стояла, офиgevшая, потерянная, стукнутая и оскорблённая. Да что же творится здесь? И голова как разболелась...

– Всё, ноги-ноги! – скомандовал Дурь, и банда потянулась за ним на выход. Последним шёл Шут с пресловатым «Фендером» на плече. Я стояла, не зная, что мне-то делать?

– Кис-кис! Пошли! – потянул за талию Шут, подмигнув. Я слегка отмякла – да всё нормально. Какая на хрен, кровь – просто дешёвое пойло и трава эта их смешались таким причудливо-гадостным ароматом. Всё путё-ём!.. И ноги уже несколько заплетаются... я наконец пьяна. А Шут здесь самый хороший – ведь это он меня сюда привёл, и сейчас не оставил в страшной, душной и тёмной комнатке-гробу. Вот, точно – гроб, и пахер такой тяжкий над всем витает, разложения....

Нет, всё, Шут, уведи меня отсюда скорее!!

Спотыкаясь, пошла за ним в темноте. Стра-а-ашно... прошли мимо охраны, Дурь поздоровался с ними, панибратски хлопнув по плечам.

– Всё, здесь садись и смотри, неудобно будет – положи под спину вот это! – протянул Шут одеяло. Я осмотрелась – мне предоставлялся широкий деревянный ящик. Села – вроде ничего, удобно пока. Спиной опёрлась о стену. Сцену видно отлично, сбоку слегка. Чтож, интересно, под таким углом мне любоваться концертами ещё не приходилось! Клёво даже, собственно говоря! На последок Дурь сунул мне в руки бутылку с остатками коньяку, послал воздушный поцелуй, Шут подмигнул, и они все рассредоточились по тёмным углам сцены. Меня оставили одну, затаившись сосредоточенно ждать представления. Судя по шуму, народ уже запускали помаленьку.

– Ты тут с Шутом? – голос над ухом заставил меня подпрыгнуть, больно ударившись о какую-то хрень в темноте. Надо мной склонилось дружелюбное очкастое лицо, так сразу и не понять, парень или женщина.

– Ага, с ним! – вынужденно улыбнулась я.

– А я фоткать их буду сегодня!

Присмотрелась – всё же девушка. Коротко стриженная, тощенькая, и голос хриплый. Вроде типовой лесбиянки. Ну и ладно, я против них совершенно ничего не имею! Сама не гнушаюсь подобных приключений, так что...

– Можно, я сяду рядом? А то пока тыр-пыр, пока начнётся стоять тяжело! – смешно наморщила нос моя собеседница.

– Да, пожалуйста! – я охотно подвинулась. Всё не одна в этих темных джунглях!

Я предложила ей свой коньяк, она мне сигареты, и ждать стало веселее. Ее звали Салема, то ли имя такое, то ли погоняло непонятное, я спрашивать не стала. Хотела было поболтать с ней подольше – чем-то глянулась, но не успела и последнего глотка сделать, как она вскочила, доставая фотокамеру:

– Ой, бля, смотри, пора работать! Начинается!

Я поставила баттл на пол, и уставилась на сцену. Чё-то я совсем уж пьяна, всё плывёт куда-то прочь... так что за точность описания дальнейшего действия не ручаюсь. Если кто там был, то поправит, где соврү!

Перво-наперво, выскочили с двух разных концов девицы, на руках и колесом. Я смотрела удивленно – надо же, и как в волосах не запутались? Блокбастер какой-то. Остановились посреди сцены, у микрофонов. Джойс подобрала скрипку с пола, а Айрин гитару. Народ изумленно ахнул, и секунду спустя, зашёлся в вопле диких обезьян! Девки начали постепенно тихо

наигрывать каждая своё. Под этот аккомпанемент из темноты выступили с самыми мрачными рожами Шут с басухой, и чувак-барабанщик с палочками. Посмотрели в зал, будто в чём-то подозревая, и разошлись по местам. Тоже начали подыгрывать девицам. Музыка всё усиливалась, и когда уже конкретно разошлась, на освещённую середину площадки, к пустому центральному микрофону эффектно выпрыгнул сам Дурь, как чёрт из табакерки!!

Дальше – больше! Я не успевала фиксировать происходящее, с такой быстротой картинки сменяли одна другую. Вот Дурь вопит жутким голосом на небывалом языке, размахивая руками сутаны, переkreщая зал, как в сатанинской мессе. Вот Шут выплясывает нечеловеческий танец горящей марионетки, успевая вполне связно играть свои партии. Джойс выпиливает так, что обалдеть можно! Дурь подходит к Айрин сзади, и срывает с неё одним широким жестом рваные обноски одежды. Она остаётся совершенно голой! О, чёрт, круто! Она бросает гитару, и извиваясь всем телом, поёт по-английски, непонятно что, и голос её звучит великолепно, хрипло, мощно, а потом вдруг сразу звучно и высоко, как у какой-нибудь нехилой оперной дивы! Разобрать можно только «Death, fucking-fucking death – forever in the Earth!!» в припеве. Дурь целует её в шею, и лижет блестящие в острых лучах соски, а потом вдруг орёт в микрофон, перекрывая на раз дикий рёв зала:

– КРОВИИИ!!! – и поливает всех тёмно-алой, густой жидкостью, тяжело падающей на головы и лица танцующих адские танцы у края сцены и далеко в беспросветно-тёмной глубине зала.

Зрелище разворачивается подобно шторму, накатывая всё более и более широкими волнами, и захлестывая зал, и меня, и вообще весь мир к чёртовой матери!

Это АД! Настоящий сатанинский угар, и наверняка, будь Князь Тьмы здесь, среди обезумевших участников-свидетелей шоу, он нехило оторвался бы! Кажется, я тоже плясала в своём уголке... если бы я ещё помнила...

Но, как оказалось, сам концерт был ещё не самым главным на сегодня. Когда «Дети Смерти» отыграли на бис, полностью оправдав своё название, и вернулись за кулисы, подобрав угоревшую меня по дороге и заломились, буйно хохоча и продолжая беситься в гримёрку, началось такое!!! Сперва-то вроде нормально, попили вискаря с какими-то всякими-разными неизвестными, вроде работников клуба, но потом, когда лишние люди были выдворены, и дверь надёжно заперта...

Чтобы говорить об этом, или даже просто думать, мне приходится закрывать глаза, и сцеплять пальцы. Ужасно... ужаснее со мной пока ещё ничего не происходило. И почему я не успела вовремя остановиться, и выскользнув, уйти домой?

Радует только, что я не помню цельного полотна, а одними лишь яркими цветными обрывками, оставляющими ожоги на душе. *Джойс подошла ко мне первой, и неожиданно глубоко поцеловала в рот. Не в губы – в рот, в язык, в зубы, в нёбо... Я слегка обалдела, но ответила – шоу маст гоу он?? Потом Дурь полез мне под одежду, вставая на колени и раздвигая мои ноги. Я не сопротивлялась, и он принялся без переходов лизать меня.*

Всё мелькает в голове, сменяясь кадрами одним за другим, как в цветомузыке на inferнальной дискотеке.

Они трахали друг друга, со стонами и выкриками, целовали и лизали меня все вместе, да так жадно...

Самое мерзкое, что если язык Дуря был ещё таким теплым и откровенным, даже возбуждающим, то уж член его забыть невообразимо трудно. Чудовищно твердый, он причинял зверскую боль, и был таким холодным, будто из ледяного камня! И у Шута такой же... Чёрт, я ещё и сама просила! Как я могла? Как я вообще сумела вынести такое?? Тупая извращенка. Я наслаждалась, я стонала и кусала губы целующей меня в это время Айрин, и в рот мне лилась

холодная солёная кровь. Почему же они такие все холодные? – терзает меня вопрос в отходняке... А в это время барабанщик кажется, я не видела, трахал её сзади, пока она склонилась надо мной.

Это чудовищно, извращено, и ни капли не похоже на обычную групповуху. Это оргия вампиров, хрен бы их побрал! До сих пор аукается каждое движение болью, и я боюсь, как бы внутри мне что-нибудь не повредили!

Я ни за что бы не согласилась повторить *такое*, но боже господи, и чёртовы ангелы его – как же я наслаждалась, умирая, разрываясь на кусочки невыносимостью, погибая от боли, бескомпромиссной и зверской! Выжить казалось невозможным, но приползла домой, и вот я здесь, с сигаретой в зубах у себя в комнате, замерзаю и покашливаю, содрогаясь от воспоминаний, на которые едва решаюсь, и, блядь, как же мне хреново... настолько же, впрочем, как было страшно, мерзко, и насквозь разрывно-порясающе было вчера... о, блядь, блядь, бля!!!

Повтори со мной такое Ветер – я б его убила! А он так и не сможет. И слава создателю, слава, что многие, очень многие люди, теплые и настоящие, на такое в принципе не способны – даже извращенцы! Даже очень стоящие извращенцы! Как я рада этому, ведь значит, есть большой-большой шанс никогда больше не встретить на своем пути ещё одного такого, как блядские, совершенно мертвые *они*.

Мне очень больно и отвратно. До чего же я докатилась, чёрт бы побрал всю грязную шваль, с которой я путаюсь! Отмывалась долго и тщательно, всё хотелось выскрести из себя эту мерзость. Пиздееец...

Лишь бы не вспоминать прошедшее приключение, врубил бездумно комп, и руки сами потянулись, нашарили почти слепо папку с клипами. Пересмотрела несколько каких-то, даже не фиксируя, чего. Остановилась только на «*Sonne*» «*Раммштайна*». Это оказалось то, что мне сейчас нужно! Поставила на бесконечное воспроизведение, и застыла с пачкой сигарет в руках. Я нагло курила прямо у себя в комнате, додумавшись приоткрыть окно, лишь когда это было уже бесполезно – повесь топор, висел бы точно. Теперь всё провоняет, и ныкаться от предков не будет смысла. Ну и хрен бы с ним. Мне всё равно. Я больна. Я разорвана. Я заразилась какой-то поганой байдой. И теперь разлагаюсь... «*Я разлагаюсь, какдохлаякошка, чтопод колёсами спать улеглась...*» А клип перед глазами непрерывно, всё одно и то же, одно и то же. И буду так сидеть, пока вконец не обрыднет. Но что-то никак! Смотрю подряд уже, наверное, несколько часов, покуривая. Классный клипец! Потрясный! От него у меня остаётся чёткий вкус садомазохизма. Я бы сказала, это даже может стать классикой! Охренительный клип! Особенно тот момент, где хрустальный голосок вливается в грубую музыку. А каков прикол – гномы настоящие накачанные мужики, только крошечные, всего до талии Белоснежке! Эта чёртова кукла Белоснежка, ах как обыгран её образ! Бьёт гномиков, прямо откровенно, по голой заднице шлёпает, и пока один получает свою порцию кренделей, все другие стоят и смиренно ждут своей очереди. Следующий даже штанишки спустил уже! А какое у него при этом личико, видно, что боится, и при том дожидаться не может! А как они на неё смотрят, пока один чешет её длинные чёрные волосы золотым гребнем! Со страхом и вожделением, хотя того, чего нельзя никак и никогда – да собственно, они бы и не смогли, они же маленькие, а она нормальная! А этот момент – когда Госпожа Белоснежка умирает, обширившись золотыми пенками! Покинутые маленькие мужички-дурачки горько плачут, не в силах представить, как жить без неё!! Без злых пощечин, унижений, без той, кто заставляла их валяться в грязи у её божественных ног! Какое искренне огромное горе! Нет бы радоваться, что больше этого всего не будет – так они же режут из-за этого, что некому больше их ломать! Маленькие гномики —мазохисты! Садо-мазо-красота!

И мне бить бы Ветра плёткой! Такой тонкой, ягнячьей кожи – она мягкая и хлёсткая, бьёт больно, а следов не оставляет. Ну, или хотя бы виниловой, блестящей и угрожающей на вид, с тремя витыми хвостами. А он стоял бы на коленях, и не смел смотреть на меня, повинуюсь запрету даже глаза поднимать на Богиню. Я бы всё-о-о ему вернула!! Да вот только где бы такую достать? Задача. Типа, вроде можно и в Уфе, как кто-то из знакомых говорил недавно на улице. Просто разговор зашёл про то – про сё, да про местные секс-шопы. Но я в них не хожу – была раза два, покупала наклейки на язычок, шершавые, для орального баловства. А так-то мне не нравятся эти лавочки провинциальные – никакого изыска, безыскусно всё и бедно. То ли дело в Москве! Конечно, тоже не в каждой дыре можно найти искомое, если запрос не самый бросовый, но там можно зайти в какую-нибудь более-менее крупную точку, и спросить всё что хочешь, и расскажут много нового! Если поймут, что ты не кто попало с улицы, то со всем уважением, чуть не раскланяются, порекомендуют, продадут. Я не выпендриваюсь, я просто знаю.

Значит, надо ехать.

В Москву-матушку

Сейчас. Немедленно. А почему нет? Вот так, совершенно спонтанно.

Сказано – сделано, и я встала бездумно, достала бэг, вывалила из шкафа все вещи, и принялась собираться: балахон, две пары носков, бельё в пакетике, немножко денег наличными, паспорт, MP3-флэшка, чтобы не скучать по «Шмелям» и «Стёклам». Чистая футболка, фляжка коньяку, ещё несколько нужных мелочей, типа ножика-бабочки и зажигалки.

Всё, пока, мой чёртов дом родной! Не ждите меня скоро.

Ничего не сказав маме, оделась, и выскользнула за дверь.

На улице обнаружила, что уже вечер... Не поздно ещё, но шансов уехать на сколь-нибудь приличное расстояние немного... А обратной дороги нет! Я запретила её себе сама. Остаётся только встряхнуться, и вперёд на трассу.

Мне не было страшно. Мне было весело. Первый раз одна на дороге! Я знала, что доберусь благополучно, и повеселившись от души, без проблем вернусь домой. Я не заболею и не пропаду в дороге. Меня не изнасилуют, не покалечат и не убьют. Напротив, я стану богаче на целое огромное приключение! Все стопщики думают так. Должны думать, иначе не решишься на такое никогда. «Уверенность в своей безопасности+интуиция=успешная, весёлая поездочка» – вот обычная формула автостопа, с которой такие придурки как я, и ещё более отчаянные выходят на трассу. И те, кто в прекрасном настроении и восторге возвращается домой, мечтая повторить. И те, кто теряется чёрт знает где, и потом их тела долго не могут передать родне, потому что при них не найдено документов...

Первый водила подкинул меня километров на тридцать всего. Поудивлялся ещё, куда я в такую пору? Нифига не поверил, что в Москву. Но удачи пожелал. Потом ещё двое – чувак с девкой сразу подобрали и намотали что-то около пятидесяти. Когда я покинула их уютную тачку, оказалось, уже глубокий вечер, практически ночь. И трасса пуста, как мои институтские тетради за полгода до сессии... я осмотрелась в поисках хоть какого-нибудь местечка для ночлега – нет, лысо! Ни кафешки какой, на даже кустов на обочине. Пикец. Издалека, от поворота показались высокие огоньки – фура! Я встала стопить, отчаянно рискуя. Ночью на трассе, одинокая девчонка... но я ни о чём пока не жалела, доверяя стопщицкой интуиции. И главное, замерзая от вечерней сырости, и уже голодная. Выручай, русский авось! Не зря меня зовут Ивана.

Огромный импортный «камазообразный» грузовик (я в них совсем не разбираюсь!) лихо притормозил, чуть обогнав меня. Дверь открылась, высунулась весёлая рожа молодого парня:

– Эй, залезай, чего жмешься!

– Да не жмусь я! – весело прокричала я, и радостно подхватив торбу, устроилась на пустом высоченном сиденье рядом с водилой. Удобно, мягко очень, пружинит. А главное – тепло! Парня звали Сергей, и ехал он как раз в Москву! Мне везло несказанно! Значит, не надо будет менять тачки, и терять время в ожидании следующей! Мерзнуть, голодать, рисковать – всё это отпадает. Если тока, конечно, этот попутчик окажется не долбаным извращенцем и придурком. Я исподволь изучала его, пока он трещал о том—о сём. Вроде ничего. Глаза добрые. Но мне ли не знать, какие добрые и ласковые глазки у самых отпетых негодяев? Как бы то ни было, а расслабляться не стоит. За два дня до столицы может всякое случиться.

Но Серёга оказался вполне нормальным парнем – намекал на более близкое общение только в шутку, никаких действий не предпринимал, много смеялся, вспоминая всякие случаи «с вашей братией дорожной», то есть стопщиками. К полуночи даже накормил меня, при-остановившись у круглосуточной заправки. Принёс мне мороженого, пирожков, шоколадку, газировку и ещё всякой такой фигни, которую обычно детям суют детям. Ещё всё сокрушался, что я не водила, и не могу побыть его напарником, заменив на время, пока он поспит. Оста-

навливаясь специально на сон он не мог, время поджимало всерьёз – что тоже порадовало, значит, будем гнать как бешеные, и ещё быстрее достигнем цели. Но и мне спать не давал, заставляя болтать, рассеивать его сонливость. А я уже еле-еле держалась, измотанная дорогой, и едва могла припомнить хоть один прилично смешной анекдот. Приходилось на ходу сочинять какую-то чушь, якобы пережитую мной на трассе. Когда держаться не было больше сил, Серёга сжалился, и отпустил на покой, кивнув куда-то себе за спину:

– Лезь туда, там постелено! Ток ботинки сними!

Как же повезло, что Серёгин обычный напарник заболел, а другие все в рейсах, и так сложилось, что он за двойную плату едет один! Мне места больше, и опасность ниже. Можно спокойно смежить опухшие веки, и наконец поспать...

Я завалилась блаженно в закуток за шторками, и мгновенно уплыла в иные измерения. А там такое... *сны я видела чудовищно-сексуальные* – в них участвовала Джойс, юная принцесса, живая вполне, красивая и невинно-нежная, и *Дурь* – святой отец. Она исповедуется ему, в какой-то ерунде, что-то вроде того, что она была непослушна со своей матушкой, и плачет. А он назначает ей наказания за грехи, всяческие *извращенные*. То ставит её на колени и бьёт плёткой по голым плечам и груди. То трахает прямо в исповедальной, приговаривая всякие гадости... и ещё много чего, догадайтесь сами, страшно расписывать. А однажды вдруг поднял глаза от уже просто откровенно *кайфующей* «грешницы», прямо на меня, и говорит:

– *А теперь ты, повинись в грехах своих и разврате!!*

Вздрогнув, я просыпалась вся мокрая от этих снов, и дико возбужденная. Кошмар какой... И «как могут пионерке сниться такие сны?», как говорила мама героине советской сказки. Протерев глаза, вылезла на свет, поздоровалась с Серёгой. Он улыбался, как старый друг:

– Привет, соня! Жрать не хочешь?

Хороший мне попутчик попался, всё же! Редкостный человек! Везёт молодую сексапильную девчонку, и даже слова не сказал грязного! Только повздыхал, больше в шутку, мол, жаль, что я такая молоденькая, а то бы он чего-нибудь предпринял! Но в тюрьму не хочется! Да уж, знал бы он, что я просто так выгляжу молодо, а на самом деле мне девятнадцать! Ну, вот и замечательно.

– Сплюшка, вставай, подъезжаем! – заорал Сергей над ухом, хоть я и так не спала давно, просто вид делала, чтоб не разговаривать. Не знаю уже, что говорить! Надоело!

Взглянула на часы – ух ты, всего за тридцать два часа доехали! Круто! А осточертело, будто все две недели пиликали!

Он высадил меня где-то на окраине, «рабочей, городской». Попрощались přátельски, и я пошкандыбала, едва разгибая болезненно затекшие ноги, искать места, где можно прилично нажраться, чтоб всерьёз и надолго. Прочапала километр наверное, прежде чем наткнулась на задрюпанную кафешку. Картошка жареная – одна порция сто тридцать рублей!! Ну, привет, Москва!

Наелась, покурила, закупила сигарет и воды, и вперёд, искать спуска в подземку. А там уж сориентируюсь!

Целый день я моталась по знакомым местам – стена Цоя на Арбате, переход метро на Охотном Ряду, где раньше лабал знакомый панк Комар, ещё парочка сомнительных дыр, в прошлые приезды встречавшие меня весёлыми попойками – никого! Будто вымерли! И куда теперь идти, где рыскать? В какие края переселились? Телефона ни одного не знаю, у меня же «симка» новая. Я так спешила убежать, что не переписала ничьих координатов. Теперь только на удачу полагаясь, тащиться куда глаза глядят.

Безрадостно сжевала шаурму, и двинула гулять пошло и банально по Красной Площади. Устала как скотина! Ноги уже не носят. Где вписываться ночерить – не представляю. Навер-

ное, буду хостел искать... не знаю, сил нет думать. Просто тупо села на лавочку, курю. Тут они и подошли – трое парней и одна девчонка. В самом лучшем узнаваемом панковском прикиде. Один светленький, с ирокезом сразу мне понравился. Двое других – один невысокий и тошёнкий, и длинный в очках, с ужасно деловыми манерами. Про девчонку особо нечего сказать, обычная средняя панкушка – тёртые джинсики, ботинки-гадённыши, косуха и драные волосы. Им было лет по семнадцать-восемнадцать, и они откровенно лакали пиво из баллона, забывая на новый закон об ограничении распития спиртного в общественных местах.

– Привет! – протянул руку длинный, улыбаясь: – Ты не здешняя?

– Здравова! – я подала ему руку в ответ. – Не-а, я стопом только сегодня из Уфы!

– А-а, из Уфы! – понимающе кивнул пацан.

– Это которая на границе с Украиной? – спросил тощий и мелкий. Я чуть не грохнулась:

– В каком смысле? – ну, не дураки ли? – Это в Башкирии!

– В какой Башкирии? – искренне удивился длинный.

– А я знаю! – подала наконец голос девчонка: – Оттуда Белка родом!

– Белка? – посмотрела на нее «главный» (так про себя я определила длинного). – Так это откуда Белка, что ль?

– Ну, да! – обрадовано закивала я: – Кажись, допетрило?

– Да типа того! – усмехнулся длинный: – Тогда давай знакомиться! Я Психованный! – и он протянул мне визитку. На ней красовалось синим по серому: «Псих Ованный, врач-панкотерапевт, ябнутый музыкант. Координаты: тел: (такой-то), мэйл: *PsiXOvany@yandex.ru*».

– Дика! – кивнула, закуривая я.

– Спазма! – подала мне руку девка.

– Зелёнка! – сделал то же самое мелкий пацан.

– Доктор! – красиво улыбнувшись, подмигнул мне самый симпатичный светленький. Я улыбнулась в ответ.

– И за сколько ты добралась сюда от Уфы?

Они расселись вокруг меня, причём Доктор присел на корточки напротив, не отрываясь глядя на меня. А я ему нравлюсь!

– Да часов за тридцать где-то! – пожала плечами я.

– А километров сколько?

Ну и далее разговор пошёл в таком духе. В общем, народ они неплохой, не вредный на первый взгляд. Глядишь, будет где вписаться. Хорошо бы у этого светленького Доктора! Он уже сидел рядом со мной на лавочке и был самый разговорчивый. Мы допили с ребятами их пивасик, взяли ещё, и отправились бухать неизвестными закоулками, через дворы. Шли, пока не наткнулись на помойку, где и решили остановиться. Сели на гнилой диван прислонённый к стеночке между помойкой и гаражом, открыли бутылку. Наконец можно было вытянуть ноги – кайф! Так и сидели, попивая и хохоча хрен знает о чем, болтали о различиях неферской жизни в разных столицах – Башкирии и России. Между тем, заметно стемнело. Уже и сырость поползла, и сумерки сгустились настолько, что даже лиц сидящих рядом Зелёнки и Доктора не различить толком. Только по светлому ирокезу и видно, что справа Доктор, а слева, стало быть, Зеленка. Пиво кончилось. Спазма засобиралась домой. Поднялись и парни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.